

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ
ЧАСТЬ СССХІІ.

1897.
І Ю Л Ъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, 95.
1897.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ 3

- Первое дополненіе къ „Опыту каталога ученическихъ библіотекъ орденихъ учебныхъ заведеній“, оставленному въ 1889 году и напечатанному вторымъ изданіемъ въ 1896 году (окончаніе) 49

Л. Н. Майковъ. Молодость В. К. Тредіаковского до его поѣздки за границу. (1703—1726) 1

Д. М. Позднѣевъ. Основныя теченія государственной жизни Китая въ XIX вѣкѣ. 23

А. И. Кирпичниковъ. Историческій обзоръ иконописныхъ изображеній Богоматери 45

М. В. Довнаръ-Запольскій. Западно-Русская сельская община въ XVI вѣкѣ. 73

Н. А. Ушовъ. Николай Алексѣевичъ Любимовъ. (1830 — 1897) . . 129

Е. В. Пѣтуховъ. Ослѣды непооредотвеннаго вліянія нѣмецкой литературы на древне-русскую 145

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Д. В. Айваловъ. Русскіе глады. Исслѣдованіе древностей великокняжескаго періода. Н. Кондакова. Т. I. С.-Пб. 1896. . . 159

И. А. Тихомировъ. В. Е. Данилевичъ. Очеркъ исторіи Полоцкой земли до конца XIV столѣтія. Кіевъ. 1896. 172

Н. Н. Платонова. Автобіографія Н. С. Соханской (Кохановской). Со вступительною статьей и подъ редакціей С. И. Пономарева. Москва. 1896. 176

Н. В. Я. А. Ф. графъ фонъ-Шахъ. Исторія норманновъ въ Сициліи. Переводъ съ нѣмецкаго Н. М. Соколова. С.-Пб. 1896. . . 180

Н. И. Вакстъ. Наука о жизни. Общедоступная фیزیологія человека. Составилъ В. Лукиевичъ. С.-Пб. 1894. 183

В. Абаза. Возраженіе на рецензію анонимнаго рецензента моего учебника исторіи Россіи 188

— Замѣчаніе на „возраженіе“ г. Абазы 200

— Книжныя новости 201

— Наша учебная литература (разборъ 6 книгъ) 1

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

- Объ окончательныхъ экзаменахъ въ реальныхъ училищахъ въ 1896 году 1

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Ө. Ө. Соколовъ. Въ области древней исторіи. 1

И. Ө. Анненскій. Гераклъ. Трагедія Еврипида 36

ОЗЪЯВЛЕНІЯ.

Редакторъ В. Васильевскій.
(Вышла 1-го іюля).

ЗАПАДНО-РУССКАЯ СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА ВЪ XVI ВѢКѢ.

Въ послѣднее время по вопросу о сельской общинѣ въ предѣлахъ литовско-русскаго государства появились въ литературѣ два противоположныя мнѣнія. Проф. Владиміръскій-Будановъ въ весьма удачной статьѣ своей о формахъ крестьянскаго землевладѣнія въ литовско-русскомъ государствѣ ¹⁾, указавъ на немногочисленныя данныя о сельской общинѣ, извѣстныя изъ изданныхъ источниковъ, пришелъ къ заключенію о существованіи сельской общины въ западно-русскихъ земляхъ. Главная основа западно-русской общины—общинное владѣніе земель. „Земли всего села,—говоритъ почтенный ученый,—нѣкогда состояли въ распоряженіи цѣлаго села, которое уже потомъ дѣлитъ ихъ на дворища, а нѣкоторыя оставляетъ въ общемъ владѣніи, и что это послѣднее можетъ состоять не только въ угодьяхъ (лѣсныхъ входахъ, бортияхъ, правѣ охоты и др.), но и въ обработанныхъ участкахъ; обработка совершается сообща“ ²⁾. Въ непосредственной связи съ сельскою общиною находится община волостная, потому что „административное единство волости состоитъ въ весьма близкой связи съ хозяйственнымъ и землевладѣльческимъ значеніемъ ея“ ³⁾. Хотя авторъ и предвидитъ возраженія, вслѣдствіе неполноты нашихъ свѣдѣній, какъ о сельской, такъ и о волостной общинѣ, но тѣмъ не менѣе приписываетъ волости широкое значеніе въ сферѣ имущественныхъ интересовъ: въ числѣ волостныхъ распоряжковъ „важнѣйшіе относятся къ распредѣленію земельныхъ имуществъ;

¹⁾ *Кіевскій Сборникъ*, изд. подъ ред. Н. В. Лущикаго, Кіевъ, 1892 г.

²⁾ *Ibid.*, p. 377.

³⁾ *Ibid.*, 380.

отсутствіемъ данныхъ трудно объяснять отсутствіе самаго института разъ есть хотя бы и слабые на него намеки" ¹⁾).

Совершенно иначе представляется данный вопросъ г. Любавскому. По его мнѣнію, „явленія сельской и волостной солидарности и даже общиннаго владѣнія съ нѣкоторыми угодьями и пахотными землями объясняются и безъ предположенія, что вся земля нѣкогда состояла во владѣніи и пользованіи села или волости" ²⁾.хлопоты крестьянъ о цѣлостности волости, участіе ихъ въ общихъ повинностяхъ, появленіе цѣлой волости на судѣ, существованіе общинныхъ угодій—все это можетъ быть объяснено, какъ „простая сосѣдская и повинностная солидарность". „Что касается права сельскихъ общинъ участвовать въ раздачѣ свободныхъ участковъ, то г. Владимірскій-Будановъ не приводитъ для своего утвержденія данныхъ источниковъ. Въ актахъ „... намъ не попадалось ни малѣйшихъ признаковъ этого участія" ³⁾.

Само собою разумѣется, что общее владѣніе землею служитъ весьма важнымъ признакомъ существованія общины. Но и самые усердные защитники общины склонны признавать за главный признакъ общинной жизни не тотъ или иной способъ владѣнія землею, а самый фактъ владѣнія, когда община по отношенію къ общинному имуществу является юридическимъ лицомъ ⁴⁾. Кромѣ связи по общинному владѣнію землею (хотя бы въ видѣ угодій), община соединена цѣлымъ рядомъ разнообразныхъ интересовъ матеріальныхъ и нравственныхъ ⁵⁾. Все это уже представляетъ признаки общинной жизни.

Но прежде чѣмъ приступить къ описанію формъ общинной жизни въ Западной Россіи, необходимо указать на то, что изслѣдователю приходится наблюдать общину при весьма неблагоприятныхъ условіяхъ

Наши источники—преимущественно акты, вышедшіе изъ государственной канцеляріи. Эти акты рѣдко касаются деталей внутреннихъ распорядковъ областной жизни. Но и независимо отъ источниковъ самое теченіе исторической жизни въ литовско-русскомъ государствѣ складывалось неблагоприятно для полнаго развитія общинныхъ порядковъ. Первая половина XVI вѣка—время постепеннаго закрѣпощенія крестьянства и развитія крѣпостнаго землевла-

¹⁾ Ibid., p. 383.

²⁾ Областное дѣленіе, p. 470.

³⁾ Ibid., p. 468.

⁴⁾ Кавеличъ, Общинное владѣніе, pp. 15 и 11.

⁵⁾ Ср., напримѣръ, Соколовскій, Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи, С.-Пб., 1877, p. 136.

дѣнія въ связи съ развитіемъ шляхетскихъ вольностей. Рядомъ съ этимъ правительство да и частные владѣльцы усиленно перестраиваютъ и городскія общины, отрывая ихъ отъ волостныхъ, и сельскія на нѣмецкое право, съ которымъ неразлучно связывалась и волочная система. Всѣ эти условія разрушительно дѣйствовали на сельскую общину. Тѣмъ не менѣе, слѣды ея гораздо ощутительнѣе, чѣмъ это предполагаютъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ придется имѣть въ виду преимущественно волостную общину. Проявленія общинной жизни села весьма незначительны; въ источникахъ не всегда возможно отдѣлить село отъ волости, такъ и само понятіе о селѣ не отличалось полною опредѣленностью, какая имъ придается теперь. Въ половинѣ XV вѣка, напримѣръ, волость имѣетъ весьма неопредѣленное значеніе: великій князь Казимиръ даетъ одному землену „волость, у Богдановичохъ селе“ всего 8 человекъ¹⁾, при чемъ волость является видовымъ понятіемъ по отношенію къ селу. Только къ началу XVI вѣка волость и село приобретаютъ болѣе точный смыслъ, при которомъ волость понимается, какъ административная единица съ извѣстнымъ центромъ—городомъ, замкомъ. Но нѣтъ надобности думать, что центральное правительство устанавливало само географическіе районы волостей: оно, конечно, воспользовалось уже существовавшею организаціей. Нужно, притомъ, принять въ расчетъ, что въ Западной Россіи, какъ и въ Московскомъ государствѣ, села были весьма незначительны: *селцо* чаще всего состояло изъ 1—5 дворищъ, службъ или жеребьевъ²⁾. Въ основѣ дворищъ лежитъ семейно-родовая организація. Союзы дворищъ и службъ и составляли сельскую или волостную общину. Но даже и въ половинѣ XVI вѣка волостныя общины были невелики: Гомельская волость состояла изъ 32 селъ, въ которыхъ было всего 88 службъ или 202 дыма³⁾—ве-

¹⁾ Книга данинъ велик. князя Казимира, стр. 6, документовъ, издаваемыхъ мною при Моск. арх. мин. юст. (въ отд. оттискахъ это изданіе выйдетъ подъ заглавіемъ „Акты Литовско-русскаго государства“, т. II. Ссылки на *первый* томъ Актовъ Литовско-русск. госуд. дѣлаются на документы, издаваемые мною въ „Ученіяхъ“ Общ. Ист. и Др. Росс. Такъ какъ оба изданія выйдутъ въ свѣтъ въ весьма непродолжительномъ времени, то считаю болѣе удобнымъ ссылаться не на листы рукописей, а на страницы обоихъ томовъ).

²⁾ См. Леонтовичъ, „Крестьянскій дворъ и пр.“ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1896 г.

³⁾ Акты Вил. Арх. Ком., XIII, р. 848.

личина нашего небольшого села. Въ Гомельской волости былъ одинъ ея представитель — старецъ. Но иногда, хотя известная территория выступаетъ передъ правительствомъ — какъ одинъ округъ, волость, въ ней, однако, оказывается по нѣскольку общинъ съ отдѣльными представителями-старцами. Иногда сами правительственные документы даютъ поводъ думать, что въ волости по нѣскольку старцевъ ¹⁾, а изъ описанія Оршанской волости мы узнаемъ, наприимѣръ, что въ каждомъ селѣ, величиною около 20 дымовъ, былъ старецъ ²⁾, слѣдовательно волость дѣлилась на нѣсколько сельскихъ общинъ, слагавшихся въ одну волостную. Въ виду этого вполне правдоподобно, что центромъ общинной жизни было не село собственно, а волость ³⁾.

Мы начнемъ наше знакомство съ западно-русскою общиною не съ положительной ея стороны, а, такъ сказать, съ отрицательной. Община въ наслѣдуемый моментъ падаетъ; съ изученія причинъ распаденія ея мы и будемъ знакомиться съ ней. Борьба волостей съ врядниками на податной почвѣ является тою стороною общинной жизни, которая чаще всего встрѣчается въ нашихъ источникахъ.

Въ Подиѣпрскихъ волостяхъ повсемѣстно еще въ началѣ XVI вѣка повинности раскладываетъ скарбъ не на каждого плательщика налоговъ, но на цѣлую волость; волость уже дѣлаетъ самостоятельно разрубъ на отдѣльных плательщиковъ. Финансовые интересы были для волости самыми острыми интересами. Каждый державца хотѣлъ собрать съ волости возможно большее количество волостельскихъ доходовъ; рядомъ съ податями державцы или его слуги устанавливали новины. Между тѣмъ благосостояніе волости уменьшалось отъ раздачи селъ и дворищъ служилымъ людямъ, отъ того, наконецъ, что крестьяне уходили изъ волости на помѣщичьи земли и пр. Вслѣдствіе этого происходили столкновения между урядомъ и волостью; волость обращалась къ королю. Мы возьмемъ нѣсколько такихъ примѣровъ. Эти примѣры наглядно покажутъ намъ, въ какихъ неблагоприятныхъ условіяхъ находилась волостная община.

Около 1536 г. королю жаловались представители Могилевской во-

¹⁾ Кн. Записей Лит., XV, л. 172.

²⁾ *Доемаръ-Запольскій*, Акты Литовско-русс. госуд., т. II, р. 122 и сл.

³⁾ Ср. *Чичеринъ*, Опыты по исторіи русскаго права, стр. 26. На сѣверѣ Россіи и въ настоящее время сельская община составляется иногда изъ 20 и болѣе поселковъ, столь же небольшихъ, какъ и западно-русскія сельца, ср. *Осоловскій*, *op. cit.*, стр. 161 и сл.

лости на державцу своего кн. Вас. Ив. Соломорецкаго. Оказывается, что волощане могилевскіе заключили съ Соломорецкимъ договоръ объ отбываніи подводной повинности: крестьяне за освобожденіе отъ натуральныхъ повинностей обязались дѣлать державцѣ извѣстный ежегодный взносъ. Между тѣмъ Соломорецкій установилъ въ волости своихъ десятниковъ, которые грабятъ крестьянъ, берутъ у нихъ подводы, вѣзды; подать съ дыма державца повысилъ съ 2 гр. въ годъ до 20; державца самъ назначилъ въ волости старца, но этотъ старецъ началъ чинить всякія „драчества“ и „тяжкости“, такъ что и волость опустошилъ. Бирчіе собрали большую дапь, а между тѣмъ не дали волости отчета, „где оныи пенези, што у нихъ выбирали, обернули“. Люди начали расходиться изъ волости. Господарь требуетъ, чтобы державца „учинилъ справедливость во всёхъ рѣчахъ“ подданнымъ передъ дворянниномъ господарскимъ; староста могилевскій долженъ во всемъ поступать „подле давнего обычая“ и такъ относиться къ подданнымъ, чтобы „пожитки наши господарскіе не были заронены“, подданные „къ убожеству не приходили“ и господарю „докуки не чинили“¹⁾. Дѣло было настолько серьезно, что господарь не только издалъ строгій указъ на имя державцы, но и точно установилъ податныя обязанности могилевцевъ, на основаніи прежнихъ уставовъ. Въ уставѣ точно опредѣленъ волостельскій и господарскій доходъ, сроки сбора платежей, повинностей и пр. Но что касается права волости на самообложеніе, то оно поставлено подъ контроль державцы: волость не имѣла права „кидать метовъ“ на подданныхъ безъ вѣдома и воли державцы, „бо для таковыхъ метъ ихъ подданнымъ нашимъ тяжкость великая сидеетъ и многии з нихъ оттого и прочь росходятъ“, и дань господарская гинетъ²⁾.

Такимъ образомъ, оставляя строй общественной жизни неприкосновеннымъ, правительство предоставляет себѣ право контроля.

Весьма любопытны тяжбы Кричевской волости съ своими намѣстниками. Въ 1522 году волощане кричевскіе жаловались на своего намѣстника кн. Вас. Семен. Жилинскаго. Король призналъ справедливость ихъ жалобъ; а между прочимъ крестьяне жаловались, что кн. Жилинскій, когда они кладутъ между собой разметъ, то и князь садится съ ними „на тыхъ разметахъ... и с того себе не мало на нихъ пенезей беретъ“. Король категорически приказываетъ намѣстнику не

¹⁾ Акты лит.-русс. госуд., т. I, № 235.

²⁾ Ibid., № 241.

въѣзжать въ волость на полюдь, не садиться на разметахъ и запретить своимъ урядникамъ садиться. Король прибавляетъ, что въ данномъ случаѣ онъ только подтверждаетъ болѣе раннюю пергаменную уставу ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ въ 1511 году тотъ же король подтвердилъ въ поднѣпрскихъ и задвинскихъ волостяхъ порядокъ, существовавшій во времена Витовта и великаго князя Сигизмунда: по этой грамотѣ восстанавлились права крестьянъ на самостоятельный сборъ дани (слѣдовательно и на разметы) подъ условіемъ аккуратнаго взноса ея; намѣстники и писаря не должны были въѣзжать въ волость ²⁾. Однако намѣстники мало считались съ волею короля. Въ 1554 году крестьяне Чичерской волости вели интересную тяжбу съ своимъ намѣстникомъ и Юріемъ Зеновьевичемъ. По поводу ихъ жалобы король даетъ весьма подробную уставу жителямъ. По интересующему насъ вопросу о разметахъ грамота устанавливаетъ новое положеніе: волощане не имѣютъ права метать метовъ безъ „вѣдомости“ державцы „и разрубивати, але кгда потреба вкажетъ для платовъ нашихъ господарскихъ, або для якое слушное потребности волостное розрубъ чинити и метъ метати“; при разрубкахъ и метлахъ долженъ присутствовать самъ державца и его вижь; если нѣтъ самого державцы, то „зъ ведомостью“ его намѣстника и „вижа“ ³⁾. За крестьянскою общиною, какъ видимъ, остаются еще права на раскладку податей, но подъ сильною опекой врядника; община имѣетъ также право самообложенія, но опять таки подъ контролемъ державцы.

Такъ быстро шла ломка стародавнихъ обычаевъ. Мы уже упоминали объ уставной грамотѣ задвинскимъ и поднѣпрскимъ волостямъ. Кромѣ Чичерска и Кричева, въ числѣ ихъ упомянуты слѣдующія волости: Озерицкая и Усвятская, Любошанская, Препойская, Горвольская, Рѣчицкая, Мозырская и Свислочская. Любопытно прослѣдить и здѣсь, какіе успѣхи дѣлали врядники. Въ 1585 году королева Бона изъ особой „бачности“ своей на людей волостей Усвятской и Озерицкой устанавливаетъ, что державца оболецкій долженъ въѣзжать въ волость только для сбора дани ⁴⁾; община управляется выборнымъ старцемъ ⁵⁾. Такимъ образомъ нарушались права крестьянъ.

¹⁾ Акты литовско-русс. госуд., т. I, стр. 184—185.

²⁾ А. 3. Р., II, 99.

³⁾ Кн. Зап. Лит. XXXVII, л. 101.

⁴⁾ Акты литовско-русс. госуд., I, № 238. (Кн. Зап.-Лит. XXXII, л. 88—9).

⁵⁾ Кн. Зап.-Литовск. XXXII, л. 89.

Не въ лучшемъ положеніи находилась Свислочская волость. Въ королевской грамотѣ, выданной волости въ 1534 году, высчитанъ длинный рядъ „новинъ“, которыя введены были державцею Андреемъ Немировичемъ и его слугами въ волости. Многіе поборы старостинскіе удвоены и утроены. Крестьяне жаловались на то, что когда слуги державцы наѣзжаютъ на волость метать дань, то они являются въ количествѣ 20—30 человѣкъ съ женами и слугами, живутъ на счетъ волости и до тѣхъ поръ не уѣзжаютъ, пока тамъ не получаютъ „поклона“. Всѣ эти притѣсненія повели къ тому, что городъ и волость „збожело“¹⁾, люди порасходились, отчего и доходъ королевскій уменьшился. Разобравъ дѣло, король устанавливаетъ нормы податей и участіе намѣстника въ метаніи податей ограничиваетъ слѣдующимъ образомъ: намѣстники не имѣютъ права въѣзжать въ волость для метанія дани, крестьяне должны сами „зметати“ дань и отвезти въ замокъ.

Правительство, видимъ мы, пытается возстановить древній порядокъ, но нельзя сомнѣваться въ безуспѣшности его попытокъ.

Мы приведемъ еще два факта борьбы волостныхъ порядковъ съ крѣпостническими тенденціями королевскаго уряда изъ мѣстности тѣхъ же подлѣпрскихъ волостей.

Въ 1533 году старцы и люди Бобруйской волости жаловались на королевскихъ писарей за ихъ поборы при выбораніи даней; они просили не посылать къ нимъ писарей, соглашаясь сами вносить дань „сполна“. Король согласился и опредѣлилъ сроки взносовъ даней грошовой и натуральной. При этомъ грамота отмѣчаетъ „хитрыи обычаи“, появившіеся у волощанъ: когда приходитъ время сбора дани, многіе изъ нихъ расходятся по другимъ волостямъ, возвращаясь въ свои дома по окончаніи срока сбора дани; другіе же прямо осаживаются въ сосѣднихъ волостяхъ, но продолжаютъ пахать свои земли въ Бобруйской волости и пользоваться бортями, а даней не платятъ. Всѣмъ этимъ такіе крестьяне приносятъ „шкodu“ королю, „а тяжкости подданнымъ нашимъ деють, ажъ они за тыхъ сами дань нашу платять“. Поэтому король приказываетъ державцамъ волостей не принимать ни одного человѣка изъ другой волости; если человѣкъ самъ уйдетъ, то его сосѣди должны извѣстить объ отходѣ и указать мѣсто новаго поселенія вряднику; если сосѣди не укажутъ, они сами должны будутъ платить за отошедшаго дань; если врядникъ, зная объ отходѣ, не вызоветъ ушедшаго, — онъ платитъ за

¹⁾ Акты литовско-русс. госуд., т. I, № 224.

него дань; если помѣщики или намѣстники не выдаютъ ушедшаго, платятъ „закладу“ въ 100 копѣ грошей. Намѣстники обязаны осадить пустыя земли, чтобы и съ нихъ шла дань. Крестьяне указывали на то, что они не разбираютъ пустыхъ земель, потому что врядники берутъ свои врядничи доходы и съ „живого“, то-есть, съ занятыхъ земель, и съ пустыхъ; если бы король приказалъ врядникамъ не брать своихъ доходовъ съ пустыхъ земель, то крестьяне обязывались разобрать „межъ себя“ все пустовщины и платить съ нихъ господарскія платы. Король согласился и на это предложеніе. Но та же грамота даетъ и еще одну интересную для насъ черту: крестьяне жалуются, что старцы „частыи меты мечутъ на волость“, а деньги обращаютъ на свои потребности. По этому вопросу, король высказалъ такое рѣшеніе: старцы съ этого времени не должны самостоятельно класть разметы на волость, но когда понадобятся деньги на „волоостную потребу“, тогда вся волость „зволившися“ съ старцами, объявляютъ объ этомъ вряднику намѣстника; врядникъ посылаетъ своего вижа въ волость, въ присутствіи котораго волость кидаетъ разметъ такъ, „якъ бы сума не превышала“ волостной потребности. Согласно размету, старецъ долженъ выбрать деньги и тратить на нужды волости ¹⁾.

Изложенная устава Бобруйской волости прибавляетъ важныя данныя къ интересующему насъ вопросу. Прежде всего оказывается несомнѣннымъ, что волость платитъ и за тѣхъ плательщиковъ, которые уходятъ изъ волости; для этого волость дѣлаетъ разметы на всѣхъ наличныхъ плательщиковъ. Волость имѣетъ свои волостныя потребности, которыя она удовлетворяетъ самообложениемъ, при чемъ размѣры сбора устанавливаются общиной, а раскладка производится старцемъ и, вѣроятно, старшими мужами, въ присутствіи всего волостнаго схода, а по королевскому распоряженію и вижа. Но въ самую волость уже проникаетъ элементъ разложенія, потому что старцы и волощане, жалуясь на врядниковъ, указываютъ на притѣсненія и со стороны выборныхъ старцевъ. По этому поводу приходится сдѣлать предположеніе, что выборы или смѣщеніе старцевъ были стѣснены внимательствомъ врядника. Такіе примѣры мы уже видѣли.

Разсматривая съ интересующей насъ точки зрѣнія „кривды“ различныхъ волостей, нельзя оставить безъ вниманія жалобъ королевѣ Бошѣ, поданныхъ людьми Борисовской волости въ 1522 году. Во-

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XV, л. 172.

щане жаловались на воеводу виленскаго Гаштольда, отъ котораго зависѣла волость, что онъ „накинулъ“ на всю волость винщины 70 копъ и другіе поборы. Когда приходитъ время метать дань, воевода беретъ „поѣздки“ 5 копъ, а его намѣстникъ на себя еще беретъ 5 копъ. Волость „со слезами“ бьетъ челомъ государынѣ, прося освободить отъ повинъ и взять волость въ свое управленіе ¹⁾). Въ данномъ случаѣ мы наблюдаемъ знакомое намъ явленіе: за волостною общиною еще сохраняется право раскладки податей, даже старостинскіе доходы уплачиваются еще всею волостью, по раскладкѣ, но урядъ всѣми мѣрами старается уничтожить волостную самостоятельность.

Эти факты вводятъ насъ во внутреннюю жизнь крестьянской общины. Общее впечатлѣніе одно: мы присутствуемъ въ моментъ глухой борьбы крестьянской общины съ королевскими врядниками. Община пытается отстоять свою независимость отъ врядника, воспрепятствовать, согласно старинѣ, его въѣздамъ въ волость. Напротивъ, для врядника въѣздъ въ волость слишкомъ доходная статья, чтобы онъ могъ отъ нея отказаться: пользуясь въѣздомъ, входя въ мельчайшія дѣла общины, онъ можетъ удесятерить свой доходъ разными поборами. Не слѣдуетъ думать, что эта свобода отъ врядничьихъ въѣздовъ явленіе новое, или такое, которое крестьяне пытаются выставить противъ надвигающагося закрѣпощенія. Въ Полоцкой уставной грамотѣ 1511 г. совершенно ясно ограничено право въѣзда въ волости воеводы полоцкаго ²⁾, слѣдовательно и его врядниковъ. Но припомнимъ, что уставныя грамоты повторяли изстаринныя земскія права. Мало того, можно привести вполнѣ опредѣленные свидѣтельства, доказывающія, что врядничій въѣздъ въ волость бываетъ временною привилегіею для державцы, которую правительство иногда считало нужнымъ выкупить ³⁾.

¹⁾ А. Ю.-З. Р., I, р. 62.

²⁾ А. З. Р., II, 88.

³⁾ Грамота Сигизмунда Стараго Юрію Зеновьевичу, которую король отдаетъ ему державу Могилевскую, перечисляетъ подати и повинности Могилевской волости; о въѣздѣ его въ волость и о полюдьи она говоритъ какъ о чемъ то весьма обыкновенномъ: „а державца нашъ панъ Юрій маєть съ нихъ брати въ каждый годъ: уѣзду своего“ и пр. (А. З. Р., II, р. 118). Въ точно такихъ же выраженіяхъ грамота 1518 г. передаетъ ту же державу Яну Щиту (Кн. Зап. Литовск., VII, л. 594). Не объясняетъ сущности въѣзда и грамота самому Юрію Зеновьевичу (та же книга, стр. 1168 новой нумераціи). Казалось бы, что въѣздъ

Намѣстники господарскіе не всегда довольствовались вѣздами или увеличеніемъ числа послѣднихъ; они часто стремятся посадить въ волости своего намѣстника, слугу, который такимъ образомъ пользуется стаціей въ теченіе всего года. Такъ, напримѣръ, Бчицкая волость въ первые годы княженія Сигизмунда I жаловалась господарю на намѣстника мозырскаго (Мозырская волость и Бчицкая управлялась однимъ урядникомъ) на введеніе новины: онъ держитъ постоянно своего намѣстника на Бчицѣ, котораго волость обязана поднимать стаціями; между тѣмъ въ волости обычай таковъ, что мозырскій державецъ только разъ въ годъ пріѣзжалъ къ нимъ на полюдіе. Господарь возстановилъ обычай, запретивъ державцѣ держать въ Бчицкой волости намѣстника ¹⁾. Но и послѣдующіе державцы не всегда выполняли эту уставу. Въ 1551 г. виленскій воевода снова разбиралъ жалобу волощанъ на намѣстника ихъ Н. В. Нарбута: послѣдній посылалъ въ годъ по два раза своего намѣстника. Воевода согласно съ листомъ господарскимъ возстановилъ старину ²⁾.

Иногда споры изъ-за вѣздовъ приводили урядъ къ открытымъ столкновеніямъ съ волостью.

представляетъ одну изъ обычныхъ повинностей волости. Но современники смотрѣли на него иначе. Черезъ 22 года, въ 1586 г., когда возникла у Могилевской волости тяжба съ ея державцемъ кн. В. И. Соломорецкимъ, король велѣлъ „книзи канцелярейские отворити“ (то-есть ту же Метрику) для установленія повинностныхъ отношеній волости къ державцѣ. Нашли тѣ же уставы, которыя и намъ извѣстны, но отнесся къ нимъ такъ: „тамъ у тыхъ уставахъ тотъ уездъ описанъ есть, ижъ з ласки нашое господарское *за даминою и за листомъ* нашимъ они тотъ уездъ нмъ *установили*; але вгды жъ то они первымъ державцамъ пану Юрью Зеновьевичу, а пану Мну Шчяту давали з уставы нашое и за листомъ нашимъ господарскимъ (значить не по старинѣ),—на тотъ часъ *тотъ уездъ нмъ отпускали* до воли нашое господарское. А *напротиву* того з ласки нашое дами есьмо князю Василью на нихъ брати тивунщины 80 конъ грошей на узкую личбу, которую тивунщину *они намъ давали*“. (Кн. Зап.-Литовск. XIX, л. 173—175, — въ Актахъ Литовско-Русск. госуд., т. I, № 241). Очевидно, Соломорецкій получилъ волость въ держанье на тѣхъ же условіяхъ, что и Зеновьевичъ и Шчять, почему господарь взаимнъ вѣзда даетъ ему тивунскій доходъ, составлявшій собственный кормовскій доходъ, то-есть выкупаетъ у державцы право вѣзда. Это дѣло лишний разъ свидѣтельствуетъ, что далеко не всегда можно полагаться на точный, по-видимому, текстъ господарской грамоты: только въ дѣлѣ 1586 г. выяснилось, что вѣздъ давался какъ пожалованіе, а не какъ обычная статья волостельск. го дохода.

¹⁾ Любаевскій, Областное дѣленіе и пр., прим. № 17.

²⁾ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., XXVII, л. 88.

Совершенно понятно, что разъ урядникъ не имѣлъ права вѣзда въ волость, то мы должны предположить широкую автономію общины въ административномъ и финансовомъ отношеніяхъ.

До сихъ поръ мы наблюдаемъ ту сторону общины, которая касается ея финансоваго хозяйства. И это понятно, такъ какъ финансовые интересы стоятъ на первомъ планѣ въ жизни всякой общины: они создали общины, они и разрушаютъ ее. Наши документы бросаютъ свѣтъ на общинный строй не въ моментъ его созиданія или нормальной жизни, а наоборотъ въ періодъ разрушенія этого строя. И въ самомъ дѣлѣ все благопріятствовало этому разрушенію. Укажемъ и на другія стороны, способствовавшія разрушенію общины. Намъ придется сейчасъ встрѣтиться съ весьма разнообразными сторонами государственнаго хозяйства. Поэтому ограничимся лишь указаніемъ на нѣкоторыя особенности его.

Цѣлость общины разрушалась, когда изъ нея выдѣлялись отдѣльные ея члены, сохраняя, однако, за собою общинную землю. Это могло случиться, когда членъ общины получалъ землю на „особную службу“. Крестьянинъ могъ получить большею частью пустошину на „особную службу“¹⁾; но правительство поощряло въ первое время и переходъ изъ тяглоѣ общины на чиншъ²⁾.

Не менѣе нарушалось платежное равновѣсіе общины, когда частью земли ея завладѣвалъ того или другаго разряда служилый человѣкъ. Нужно замѣтить, что въ древнѣйшихъ грамотахъ довольно явственно проглядываетъ представленіе, что тотъ или другой характеръ отбыванія службы съ земли прикрѣпляется не къ лицу, а къ землѣ. Такимъ образомъ земля могла быть данная, или куничная, тяглая, дякольная, боярская и пр. Если на ней садился соотвѣтственнаго разряда человѣкъ, то, конечно, никакого измѣненія не могло быть. Но бывало и наоборотъ: бояринъ, напримѣръ, получалъ или покупалъ землю тяглую. Въ такомъ случаѣ, съ своей боярской земли онъ несетъ боярскую службу, а съ тяглоѣ служить тягло³⁾. Такой взглядъ относится по крайней мѣрѣ къ низшимъ разрядамъ службъ. Для того, чтобы боя-

¹⁾ Акты лит.-русс. госуд., т. I, стр. 87, 149.

²⁾ „Нижли, естли бы которые люди наши хотели сами своею доброю волею на понызехъ оесети, не хотячи службы служити, тыхъ бы еси (державца) людей отсаживааъ, а в томъ бы еси имъ черезъ то тяжности не делати“, Браславская волость въ Подляхін. Акты лит.-русс. госуд., т. I, стр. 197.

³⁾ Бояре заявляютъ: „мы съ того три службы служимъ: одну боярскую, а двѣ дякольные“. Акты Вил. Ком., XVII, стр. 16.

рину избавиться отъ тяглой службы съ тяглой земли, онъ долженъ былъ просить на это спеціальнаго разрѣшенія у короля, которое многимъ и давалось ¹⁾. Извѣстны и такіе факты, когда тяглый или куничный человѣкъ получалъ за какую нибудь услугу отъ короля боярство, или назначался имъ въ спеціальную службу, оставляя, однако, за собою ту землю, которою онъ владѣлъ. Въ такомъ случаѣ переходившій въ другой разрядъ обвѣлялъ и ту землю, на которой онъ сидѣлъ ²⁾.

Но случаи, подобные вышеприведеннымъ, не въ такой мѣрѣ нарушали равновѣсіе общины, какъ раздача шляхтѣ въ громадныхъ размѣрахъ земли съ поселенными на ней крестьянами, потому что были большею частью единичными. Раздача могла быть двоякая: король или передавалъ помѣщику всѣ его дани и службы, приходившіяся на село или отдѣльное двориче, или же удерживалъ съ отдаваемыхъ крестьянъ господарскій доходъ, предоставляя помѣщику собственно старостинскіе доходы. Оба способа раздачи извѣстны съ очень древняго времени. Такъ, напримѣръ, великій князь Витовтъ даетъ Ильѣ Вячковичу нѣсколько селъ на Волини „вѣчно“, но сверхъ того „зъ ласки“ освобождаетъ эти села отъ воловщины, яма и даже отъ слѣдогоней и роспустокъ владыкъ ³⁾. Очевидно, требовалась особенная „ласка“ со стороны князя для освобожденія отъ государственныхъ повинностей владѣльческихъ крестьянъ, отдаваемыхъ даже въ вѣчное владѣніе, а не въ держанье. Великій князь Казимиръ даетъ пану Довкшу три двора въ Бобруйской волости, приказывая въ то же время намѣстникамъ въ нихъ не вступаться ⁴⁾. Андрею Пряжовскому пришлось просить великаго князя Александра объ освобожденіи его людей Шершнвичей отъ медовой дани на ключъ кievскій, которую они давали, хотя и принадлежали помѣщику ⁵⁾ и т. д. Такъ какъ волостная разверстка податей относилась главнымъ образомъ къ господарскимъ данямъ, то передача людей въ руки частнаго владѣльца тогда только затрагивала интересы волости, когда она сопровождалась пожалованіемъ владѣльцу и государственныхъ податей, которыя приходились на долю жалуемыхъ крестьянъ.

¹⁾ Напримѣръ, Акты лит.-русс. госуд., т. I, стр. 183, 150.

²⁾ Акты лит.-русс. госуд., т. I, стр. 65.

³⁾ Акты лит.-русс. госуд., т. I, стр. 8.

⁴⁾ Ibidem, стр. 16.

⁵⁾ Ibidem, стр. 69; ср. еще стр. 74, стр. 135, стр. 127.

Весьма понятно, что нерѣдко бывали и такіе случаи, когда частновладѣльческіе крестьяне не желали отбывать лежащихъ на нихъ волостныхъ повинностей, хотя и не были отъ нихъ освобождены. Въ такомъ случаѣ волость должна была сама искать своихъ потужниковъ по государственному тяглу. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Люди Неменчинской и Лыгменской волостей жаловались въ 1495 г. великому князю Александру на пановъ Нарбутовичей въ томъ, что паны забрали безъ данины господарской волостныхъ людей. По справкамъ, однако, оказалось, что у Нарбутовъ есть листы великихъ князей Сигизмунда и Казимира на нѣкоторыхъ людей; великій князь обѣщаетъ оставить ихъ при данинахъ, „а што будутъ самоволне людей нашихъ за себе забрали и зъ землями ихъ, а на што *люди наши доводъ ечимят*“, то эти захваты князь обѣщаетъ изслѣдовать черезъ своихъ посланцевъ¹⁾. Такимъ образомъ, волость и вчиняетъ искъ о захваченныхъ своихъ сообщникахъ и, когда возникаетъ дѣло, играетъ въ немъ важную роль. Не менѣе интересенъ и слѣдующій случай. Свислочноя волость жалуется въ 1499 г. на людей, принадлежащихъ боярамъ Котовичамъ, за то, что послѣдніе не исполняютъ вѣстѣ съ ними общегосударственныхъ повинностей — ордынщины, городской работы и сторожи и др. Для доказательства волощане ссылались на всѣ пять сосѣднихъ волостей, но боярскіе люди потребовала присяги только нѣсколькихъ лицъ, которыя своими показаніями не оправдали ихъ надеждъ: король рѣшилъ, что люди бояръ Котовичей должны „всякую тягль тягнути“ съ волостью²⁾. Въ такомъ же смыслѣ имѣли тяжбу въ 1529 г. подданные Бобруйской волости съ людьми пана Яна Николаевича Радивила и пана Вацлава Костевича. Бобруяне утверждали, что люди обоихъ помѣщиковъ, Зубаревичи и Колчичане, „з давнихъ часовъ“ участвовали съ ними въ волостныхъ разметахъ, сторожѣ, городской и мостовой работѣ (которыя тоже отбывались по разметамъ). Зубаревичи и Колчичане проиграли дѣло и обязаны были участвовать въ разметахъ³⁾.

Вполнѣ понятна причина подобныхъ столкновеній. Владѣльческіе крестьяне, пользуясь защитой помѣщика, ускользали отъ волостной разверстки. Во всѣхъ случаяхъ ищеть своихъ поплечниковъ и потуж-

¹⁾ Акты литовско-русс. госуд., т. I, стр. 61.

²⁾ Акты литовско-русс. госуд., т. I, стр. 86—87.

³⁾ Ibidem, № 194.

никовъ по государственному тяглу сама волость. Но иногда правительство предлагаетъ и державцамъ слѣдить за правильнымъ отбываніемъ помѣщичьими крестьянами государственнаго тягла¹⁾. Само собою разумѣется, что въ такихъ случаяхъ шла рѣчь только о такихъ владѣльческихъ крестьянахъ, которые не были освобождены отъ государственнаго тягла при переходѣ къ частнымъ лицамъ. Державцы, впрочемъ, не были особенно расположены вступать съ помѣщиками въ пререканія относительно повинностей съ ихъ людей. Напротивъ, они требовали съ волостныхъ крестьянъ всѣхъ повинностей и податей, хотя волости сильно уменьшались отъ раздачъ крестьянъ шляхтѣ²⁾.

Нежеланіе владѣльческихъ крестьянъ нести общегосударственное

¹⁾ „Также жаловали (люди Браславской волости) намъ, штожъ мы тамъ которыхъ людей, потужниковъ ихъ, поданныхъ нашихъ, поотдавали, ино тѣ люди у городской работѣ и мостовъ мостити помогати имъ не хотять. И тѣ дей к той работѣ однихъ нашихъ людей выгоняешъ... Ино ачъ есмо тамъ поданнымъ нашимъ люди поотдавали, а работы городовой и мостовое никому есмо не отпускали, а такъ ажъ бы еси и городъ и мосты всеми людьми, какъ нашими, такъ и поданныхъ нашихъ робилъ потому, какъ и передъ тѣмъ бывало“. Акты литовско-русс. госуд., I, стр. 197. Интересна также грамота, данная въ 1538 г. по жалобѣ бобруйскихъ волощанъ: „И которыми тежъ люди волости Бобруйское княземъ и паномъ, и бояромъ и дворяномъ нашимъ тамъ есмо подавали, велели есмо имъ данъ медовую на себе съ нихъ брати, а данъ грошовую и бобры и кунницы и лишни всякия повинности велели есмо посногъ з волостью нашою Бобруйскою имъ на насъ давати. То пакъ дей они з волостью тыхъ доходовъ нашихъ полнити не хочуть“. Для чего посылается господарскій дворянинъ, который обязанъ „тыхъ людей к волости Бобруйской приворотати и к работѣ тежъ замку нашего Киевского ихъ выганати“. Ibidem, № 221. (Кн. Зап.-Литовск. XV, л. 102—103). Въ Чичерской волости (1554): „А люди боярскихъ, которые безъ листовъ нашихъ земли и люди тамъ держать, и тежъ мещане тамошние и бобровники, и тяглые, и поданные наши тѣ, которыми земли тяглыми под собою держачи, ихъ вживають, мають имъ (волощанамъ) в метехъ и в работѣ и во всемъ помогати и вси повинности весполнокъ с ними сполнити“. Зап.-Литовск. кн. XXXVII, л. 101.

²⁾ Ibidem, р. 185 — относительно Кричевской волости. Подданные Оболенской и Себежской волости жаловались на хорунжаго полоцкаго за то, что онъ отъ нихъ требуетъ ежегодно по 10 копъ гр.; между тѣмъ изъ волости много людей роздано, и они могутъ дать (вѣроятно, по раскладѣ) только 7 копъ. „Я о томъ ничего не ведаю, одно якъ передъ тѣмъ платили 10 копъ грошей сполна, такъ и теперь мнѣ платите“, — говорилъ предъ королемъ хорунжій. Интересно, что воевода Петръ Станиславовичъ рѣшилъ дѣло въ пользу хорунжаго, а король — въ пользу крестьянъ. „Ино намъ не виделося. ажъ бы они мели платити и за тыхъ, которые суть розданы“, № 220.

тягло вмѣстѣ съ волостью вызывало иногда спеціальныя распоряженія высшаго правительства. Подобное распоряженіе издано было въ 1528 г. для Мозырской волости. Дѣло было возбуждено передъ королемъ мѣщанами, старцемъ и всею волостью Мозырскою. Волощане предъявили королю уставу, по которой частновладѣльческіе крестьяне должны были участвовать съ волостью въ подымщинѣ, замковой работѣ, дяклѣ и грошахъ на замокъ. Король съ панами радами издалъ по этому поводу такое постановленіе: если кому розданы люди и земли съ освобожденіемъ отъ тягла до изданія устава, то таковыя не несутъ тягла съ волостью; кто же изъ помѣщиковъ получилъ земли до изданія устава безъ освобожденія отъ тягла, или послѣ устава, хотя бы и съ освобожденіемъ отъ тягла, — таковыя должны нести тягло съ волостью. Такимъ образомъ, правительство отмѣнило для многихъ помѣщиковъ привилегіи ¹⁾).

Мы рассматривали такіе конфликты, которые возникали у волощанъ съ частновладѣльческими крестьянами. Но встрѣчаются факты такого рода, когда въ средѣ самой волости одна часть крестьянъ не обязана исполнять всѣ или только нѣкоторыя повинности со всею общиною. Правда, такіе факты крайне рѣдки. Такъ, намъ извѣстна жалоба подданнаго господарскаго Полоцкаго повѣта Ломота на подданныхъ Гридка съ товарищи. Ломоть доказывалъ, что Гридко съ другими обязанъ помогать Кушликовлянамъ и Бороздьянамъ въ подниманіи станами воеводы полоцкаго. Свидѣтельскія показанія не подтвердили жалобы Ломота и его общины ²⁾). Такимъ образомъ, въ средѣ самой общины были члены, пользовавшіеся нѣкоторыми льготами.

До сихъ поръ мы рассматривали такія условія общегосударственной жизни Литовско-русскаго государства, которыя разрушительно дѣйствовали на сельскую общину. Но нашъ обзоръ будетъ не полнымъ, если мы не остановимся еще на одномъ явленіи, правда, очень сложномъ. Намъ необходимо остановиться на вопросѣ о выдѣленіи города изъ состава волости. Разумѣется, выдѣленіе города могло имѣть только разрушающее вліяніе на самостоятельность волостной общины. Въ городѣ жили болѣе самостоятельные члены общины; городъ представлялъ больше благоприятныхъ условій для укрѣпленія общинной солидарности, хотя бы уже потому, что жители

¹⁾ Акты литовско-русск. госуд., т. I, стр. 207.

²⁾ Ibidem, № 225.

его находились въ болѣе частомъ общеніи другъ съ другомъ, чѣмъ жители отдѣльныхъ селъ, составлявшихъ волость. Въ началѣ почти всѣхъ заявленій-жалобъ волостныхъ людей стоитъ указаніе на то, что мѣсто и волость дѣйствуютъ единодушно. Повидимому, волостной старецъ для многихъ волостей былъ общимъ представителемъ города и его округа-волости. То или другое установленіе относительно раскладки податей и другихъ общинныхъ интересовъ относится въ грамотахъ одинаково къ волости и ея центру—городу. Общность интересовъ населенія сельской и городской общины объясняется не только ихъ административнымъ единствомъ, но и тѣмъ, что городъ по своимъ занятіямъ не отличался отъ села, или мало чѣмъ отличался отъ него. Но при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду географическое распредѣленіе тѣхъ данныхъ, на которыя намъ до сихъ поръ приходилось ссылаться: они относятся къ восточнымъ и сѣверо-восточнымъ областямъ государства, къ такъ называемымъ Задвинскимъ и Подиѣпрскимъ волостямъ. Въ этихъ мѣстностяхъ городъ позже выдѣляется изъ состава волости, едва къ половинѣ XVI столѣтія. Напомнимъ что даже города, служившіе центральными для цѣлыхъ земель, не скоро порываютъ свою связь съ черными людьми. Уставныя грамоты Полоцка, Смоленска и Витебска даны не только на имя шляхты и духовенства, но и на имя всей земли, всего поспольства (Полоцкая) и черныхъ людей (Смоленская)¹⁾, хотя сами уставныя грамоты почти ничего не говорятъ о свободномъ крестьянскомъ поселеніи земель. Эта связь, въ сферѣ финансовыхъ интересовъ, замѣтна еще и въ концѣ XV вѣка²⁾, хотя, конечно, отношенія центрального города къ землѣ совсѣмъ другія, чѣмъ отношенія волостнаго центра къ волости. Напротивъ, западныя области литовско-русскаго государства рано выдѣляютъ городъ изъ земства, именно съ конца XIV вѣка, при посредствѣ широкаго распространенія магдебургскаго права. Конецъ XV и первая половина XVI вѣка здѣсь на западѣ, въ Подляхѣ, на Волини, отчасти въ собственной Литвѣ, заняты ускореннымъ переходомъ къ нѣмецкому праву, городскому и сельскому; это относится какъ къ государственнымъ зе-

¹⁾ Ясинскій, Уставныя земскія грамоты, стр. 104. Жмудская грамота дана не только шляхтѣ, но и кметамъ, *ibid.* 105.

²⁾ Напримѣръ, дворяне, мѣщане и волостные люди полоцкіе получаютъ отъ великаго князя Александра бобровые гонимы въ общее пользованіе за общій взносъ, для котораго нужна была, конечно, разверстка, А. З. Р., I, 181.

млемъ, такъ и къ частнымъ (особенно въ Подляхѣхъ). На нѣмецкомъ правѣ садится часть свободнаго земледѣльческаго населенія; другая часть вмѣстѣ съ рабами закрѣпощается. Эту разницу въ исторіи экономическаго быта той и другой половины Литовскаго государства необходимо и намъ имѣть въ виду.

Что касается до отношеній города къ волости до его выдѣленія, то источники наши, къ сожалѣнію, мало говорятъ объ этомъ. Намъ извѣстны лишь нѣсколько случаевъ столкновеній города съ волостью. Такъ, волостные люди здитовскіе жаловались въ 1520 г. на войта и мѣщанъ здитовскихъ (впрочемъ, неизвѣстно, на весь ли городъ или только на часть его) въ томъ, что мѣщане не хотятъ платить съ ними податей и тянуть тягла, „а землю под собою мают“. Мѣщане между тѣмъ показали, что они никогда не платили податей и тягла не тянули съ волостью, но служатъ конемъ; король призналъ правыми мѣщанъ, потому что они представили соотвѣтственные документы ¹⁾. Здѣсь интересно для насъ отмѣтить, что связь города съ волостью въ сознаніи волостныхъ людей основывалась на общемъ владѣніи землею: волощане такъ настоятельно требуютъ здитовскихъ мѣщанъ къ общему отбыванію повинностей потому, что послѣдніе владѣютъ волостною землею. Такимъ образомъ, общая земля была тою почвой, на которой сходились интересы горожанъ съ волостными.

Другою сферой общихъ интересовъ было общее податное тягло. На этой почвѣ иногда и происходили столкновения города съ волостью.

Такъ, между мѣщанами торопецкими и волостью происходили столкновения изъ-за раскладки податей; столкновения эти повели къ тому, что король „пожаловалъ“ волощанъ, дозволивъ имъ отдѣльно отъ горожанъ собирать дань и доставлять ее въ скарбъ. Очевидно, мѣщане торопецкіе, пользуясь тѣмъ, что намѣстникъ назначался изъ ихъ среды, притѣсняли волощанъ при раскладкѣ податей. Король выдѣлилъ волость изъ города ²⁾.

Но особенно любопытна тяжба борисовцевъ, мѣщанъ и волощанъ. Когда дѣло касалось интересовъ всей волости, мы видимъ, что и тѣ и другіе дружно отстаиваютъ ихъ. Но у нихъ былъ и предметъ спора. возобновлявшійся нѣсколько разъ въ теченіе полутора столѣтія и нарушавшій согласіе общины. Причина этого спора—грамота великаго князя Витовта, освобождавшая волощанъ отъ подводной повинности.

¹⁾ Акті литовско-русс. госуд., т. I, стр. 170.

²⁾ А. З. Р., I, 171.

При Казимирѣ мѣщане успѣли „привернуть“ волостныхъ людей въ подводы: они заставили волощанъ „стеречь“ съ подводами десять недѣль, тогда какъ сами отбывали только три. Великій князь Александръ, вслѣдствіе жалобы волощанъ въ 1494 г., установилъ такой порядокъ: мѣщане должни стеречь шесть недѣль, волощане—десять. При проѣздѣ великихъ государскихъ пословъ, мѣщане и волощане обязаны вмѣстѣ поднимать ихъ стациями. Если князь пришлетъ въ Борисовъ на „покормъ“ лошадей, то конокормская повинность распредѣлялась согласно съ распредѣленіемъ подводныхъ недѣль: шесть недѣль лежали на мѣщанахъ, десять — на волощанахъ ¹⁾. Нельзя не замѣтить, что такое государственное рѣшеніе не совсѣмъ возстановляло права волощанъ, потому что Витовтъ совсѣмъ освободилъ ихъ отъ подвоя. Въ 1541 г. споръ возобновился. На этотъ разъ волощане представили листъ Витовта и судебное рѣшеніе Ольбрахта Кваштольта; оба документа были болѣе благопріятны для нихъ. Быть можетъ, въ виду этого не представленъ листъ Александра, который мы только что цитировали. Судебное рѣшеніе на этотъ разъ свелось къ утвержденію льготъ, предоставленныхъ Витовтомъ и рѣшеніемъ Кваштольта: волощане освобождались навсегда отъ подвоя, за исключеніемъ пріѣзда самого государя. Гонцовъ и пословъ поднимаютъ сами мѣщане. Волощане даютъ подводы съ мѣщанами вмѣстѣ только подъ звѣря, убитаго въ борисовскихъ ловахъ ²⁾. Такимъ образомъ, причина столкновенія волостныхъ и городскихъ людей Борисовской волости—привилегія Витовта—чисто внѣшняя. Мы не знаемъ ея мотивовъ, но, видимо, это внѣшательство власти было не совсѣмъ обычнымъ: противъ него протестовали не только мѣщане—потерпѣвшіе, но и великій князь Александръ, не утвердившій привилегію во всѣхъ пунктахъ.

Къ половинѣ столѣтія разладъ между городомъ и волостью становится ощутительнѣе. Въ 1551 г. мозырскіе мѣщане уже отдѣльно

¹⁾ Кн. Записей Лят., V, л. 5. Напечатана у Леонтовича, Акты Метрики Литовской, № 91.

²⁾ Кн. Зап., 27 л. 53 об. — 54 об. Волощане представили листъ Витовта и судебн. рѣш. Ольбрахта Кваштольта, — „в которыхъ же листехъ выписано имъ людямъ даннымъ с подводами недели не стеречи николи, нижи коли самъ государъ тамъ поедетъ, а пословъ и гонцовъ и иныхъ, хто на подводахъ поедетъ, мещане конями своими мають поднимати, бо они люди служебни, а даннымъ людямъ волощанамъ того с ними неподнимати. А которые звер тамъ въ ловахъ борисовскихъ уловятъ, ино волощане посполу з мещани под тотъ зверъ подводы давати мають“.

отъ волости жалуются на своего намѣстника за кривды; въ нихъ жалобѣ уже чувствуется даже раздоръ съ послѣдней: мѣщане упрекаютъ державцу между прочимъ и въ томъ, что онъ за поклонъ отпускаетъ съ замковой работы волощанъ, отъ чего постройка замка замедляется ¹⁾. Въ Могилевской волости тоже происходили недоразумѣнія между городской общиною и сельскою. Въ 1555 г. дѣло дошло до короля: мѣщане хотѣли взвалить на волость четыре пятыхъ городской работы. Но изъ реестровъ скарбныхъ, изъ показаній хорошаго знавшаго тамошнія отношенія по частымъ поѣздкамъ подскарбія Ив. Горностая, выяснилась слѣдующая система раскладки податей и повинностей между селами и городомъ: однихъ „поплатковъ“ горожане вносили четвертую часть, другихъ—пятую, а изъ городской работы должны были дѣлать четвертую часть. Такое соотношеніе установлено королемъ и на будущее время ²⁾.

Отмѣченные факты указываютъ на двѣ причины столкновѣній, вообще очень рѣдкихъ, городскихъ интересовъ съ волостными,—столкновѣній на почвѣ владѣнія землей и раскладки податей. Но, конечно, не одни эти, а болѣе глубокія причины повели къ выдѣленію города изъ волости, даже и въ восточныхъ областяхъ. Намъ нѣтъ нужды на нихъ останавливаться. На одномъ только можно настаивать, что выдѣленіе города изъ волости неблагоприятно отозвалось на устойчивости послѣдней: съ городомъ выдѣлилась болѣе подвижная, тѣснѣе сплоченная, вѣроятно, болѣе богатая и развитая въ общественномъ отношеніи часть волости.

До сихъ поръ намъ приходилось разсматривать одну только сторону общинной жизни. Общее впечатлѣніе, которое выясняется изъ этого обзора, сводится къ тому, что въ первой половинѣ XVI столѣтія существуетъ въ западно-русскихъ областяхъ крестьянская солидарность; эту солидарность можно признать общинною организаціею въ предѣлахъ волости. Внутреннимъ связующимъ звеномъ этой организаціи служатъ финансовыя (не только податныя) интересы, внѣшнимъ—административное дѣленіе. Но моментъ, въ который мы наблюдаемъ общину—время ея упадка подъ давленіемъ правительственной опеки, административнаго произвола и общихъ условій государственнаго хозяйства.

¹⁾ Кн. Судн. дѣлъ Лит., XXVII, лл. 84—87, въ Актахъ литовско-русс. госуд., т. I.

²⁾ Акты Литовск.-Русск. госуд., т. I, (изъ кн. С. Д. Лит. XXXIV).

Теперь мы перейдемъ къ тѣмъ даннымъ, которыя рисуютъ положительныя черты общинной жизни. Зная, что мы наблюдаемъ общину въ моментъ разрушенія, зная недостаточность нашихъ источниковъ, трудно дать полное описаніе общинныхъ порядковъ и при томъ такое, въ которомъ бы всѣ частности были выяснены.

Члены волостной общины, выполнявшіе какія либо общественныя функціи, обычно носили названіе *мужей*, рѣже просто *людей*: такъ они сами себя называютъ, такъ называютъ ихъ и правительственные акты. Великій князь Казимиръ пишетъ грамоту на имя намѣстниковъ могилевскихъ, старцевъ и *всѣхъ мужей* ¹⁾. „Мы мужи любощанцы“, или „мы мужы лебедевцы“, говорится въ общественныхъ приговорахъ, о которыхъ намъ еще придется говорить. Королевѣ Бонѣ жалуются *люди* волости Усвятской. Такъ называли другъ друга и однообщинники, если судить объ этомъ по обращеніямъ судящихся къ копнымъ судьямъ ²⁾. Община носила названіе громады ³⁾. Весьма вѣроятно, что и общинное собраніе носило то же названіе, какое придается ему при выполненіи коннаго суда—*копой*, *громадой* ⁴⁾, наконецъ *вѣчемъ* ⁵⁾, можетъ быть *кругомъ* ⁶⁾.

Постояннымъ блюстителемъ общинныхъ интересовъ былъ выборный глава ея *старецъ*. Обычай выбирать старца—былъ стародавній обычай волости, слѣдовательно ея право. Люди Усвятской волости жаловались королевѣ Бонѣ на своего державцу, п. Кирдея Гричиновича: никогда того не бывало, говорили они, чтобы державца постоянно держалъ въ волости своихъ слугъ, напротивъ „нижи деи тотъ в нихъ есть обычай стародавній, што они сами старца межи собою выбираютъ. И били намъ чоломъ, абыхмо ихъ при стародавнихъ обычаяхъ ихъ тамошнихъ заховали“; королева приказываетъ державцѣ выслать своего слугу изъ волости, „нижъ они старца межи собою избраного мають тамъ мети и водлугъ давного звичного обычая мають ся въ томъ справовати и радити“. Правда, Бона оставляетъ вопросъ о старцѣ „до часу“, пока разузнаетъ ⁷⁾, но все-таки указа-

¹⁾ А. Ю. и З. Р., I, р. 18.

²⁾ *Спрописъ*, Копный судъ, Труды предвар. комитета по устройству IX Виленскаго археологическаго съѣзда, 246.

³⁾ Архивъ Юго-Зап. Р., ч. 7, т. 2, р. 284.

⁴⁾ Ibidem, р. 243.

⁵⁾ Arch. Sang., IV, 178.

⁶⁾ Вил. Арх. Сборн., I, 194—195.

⁷⁾ Метрих. Литовская, кн. Записей Лит., XXXII, л. 89, среди актовъ 1548 г.

ніе самихъ волощанъ само по себѣ весьма важно. И это указаніе на „звычайный“ обычай не стоитъ одиноко. Одинъ интересный документъ даетъ указаніе на то, какъ выбирались старцы. „Мужи любошанцы“ ¹⁾ составили приговоръ, помѣченный 9 мартомъ 1500 г. объ избраніи старцемъ человека той же Любошанской волости Селивона Хласовича. Всѣхъ мужей, объявившихъ приговоръ отъ имени волости, — девятнадцать человекъ; очевидно, каждый изъ нихъ является представителемъ еще меньшей ячейки крестьянской территоріи — села: Симонъ з *Суши*, Сорока з *Хочичъ* и т. д. Выбранный старцемъ находится среди выборщиковъ и, былъ, повидимому, выбранъ вторично (Селивонъ, старецъ, з *Лешницы*). Остается подъ сомнѣніемъ одно обстоятельство: названные девятнадцать человекъ заявляютъ: „Мы, мужи Любошанцы, с порученья всея волости Любошанское, визнаваемъ сиихъ нашихъ листомъ (слѣдуютъ имена): обобрали есмо вси восполкъ старцомъ человека волости Любошанское ж на имя Селивона Хласовича“. Это мѣсто не совсѣмъ опредѣленно говоритъ: *выбирали* ли они старца по порученію волости, или же только по порученію ея составили *листъ*, то-есть, *письменный приговоръ*, который и объявили въ Вильнѣ? Вѣроятно же всего, что представители селъ были и выбиравшими старца и составлявшими объ этомъ *листъ*; въ данномъ случаѣ можно было бы напомнить, что и на копный судъ обычно выходили не всѣ *люди*, но *выборные* ²⁾).

Въ виду важнаго значенія разсматриваемой стороны общинной жизни, намъ слѣдуетъ еще остановиться на нѣсколькихъ примѣрахъ. Въ 1556 г. возникла тяжба между волощанами могилевскими и ихъ державцемъ, кн. В. Ив. Соломирецкимъ. Жалобщики, между прочимъ, указывали, что державца самъ уставилъ въ волости старца Якова, который „великіе дратезства и тяжкости“ чинилъ людямъ. Господарь по этому вопросу высказывается весьма опредѣленно, требуя смѣщенія старца и назначенія другаго, — „чоловека доброго, а годного, кого волость похочеть и который бы за людьми стоялъ“ и справедливость чинилъ ³⁾).

Мало того, одинъ документъ объясняетъ намъ даже, когда и на какіе сроки выбирали общиннаго старца. Волость Борисовская жалуется на разныя кривды, чинимыя ей воеводою виленскимъ Гаш-

¹⁾ Акт. см. ниже, въ прим. на стр. 109.

²⁾ *Скрописъ*, op. cit.

³⁾ Актъ Лят.-Русск. госуд., т. I, № 236.

тольдомъ, и между прочимъ на слѣдующее: „А ещо, милостивая господарине, у томъ намъ кривду чинить: штожъ какъ межн себе *по веснѣ*, собравшиися зъ мужми посполъ, которого межн себе старца уставить хочеть“, отъ того намѣстникъ беретъ съ волости пять копъ да еще на воеводу пять копъ ¹⁾). Такимъ образомъ, старцы выбирались ежегодно весною; время выбора, замѣтимъ, вполне совпадаетъ съ датою приговора мужей Любошанскихъ.

Данныя актовъ, о которыхъ мы только что говорили, обращаютъ на себя вниманіе еще въ двухъ отношеніяхъ. Вопервыхъ, они ясно показываютъ, что уже въ началѣ XVI вѣка королевскіе урядники стремятся стѣснить общинную жизнь, или замѣняя старца собственнымъ слугою, или взимая непоимѣрную пошлину за выборы. Эта политика королевскихъ урядниковъ стоитъ, разумѣется, въ тѣсной связи съ общею шляхетскою политикою того времени по отношенію къ земледѣльческому населенію страны. Но тѣ же акты могутъ разъяснить намъ и еще одну сторону общинной жизни. Въ источникахъ встрѣчаются указанія на то, что старчество раздаетъ и самъ великій князь или его намѣстникъ: выше былъ приведенъ документъ, въ которомъ король приказываетъ намѣстнику давать того старца волости, котораго она захочетъ, но изъ документа ясно видно, что старецъ выбирается; значить, намѣстникъ „даетъ“ старца, то-есть, утверждаетъ избраннаго волостью; далѣе, мы видѣли, что въ Борисовской волости и воевода и намѣстникъ взимали плату за выборъ старца. Правда, въ документѣ не совсѣмъ ясно, что оспаривали волощане—самое право взимать за выборы старца или размѣръ пошлины; но вполне возможно, что старцы вносили за свой выборъ намѣстнику или самому великому князю известную плату. Такъ, сохранилась одна записъ о раздачѣ въ Трокахъ намѣстничествъ и старчествъ: хотя въ записи говорится о *раздачѣ* старченствъ, но не слѣдуетъ ли и здѣсь предполагать предвѣрительнаго выбора ²⁾)?

Мы привели нѣсколько фактовъ, гдѣ старцы упоминаются въ такъ называемыхъ Поднѣпрскихъ, Полоцкихъ и Торопецкихъ ³⁾ волостяхъ. Но изъ этого было бы ошибочно выводить заключеніе, что старцы,

¹⁾ Акты Ю. и З. Р., I, р. 62.

²⁾ „А старченье Речицкое взялъ Комаръ, королю далъ 2 корабельники“... „Отъ серебрянаго старченья могилевскаго Юрко далъ 18 копъ. Отъ медоваго старченья Андрейко далъ 4 копы“. Акты Литовск.-русс. госуд., т. I, стр. 52.

³⁾ Акты З. Р., I, стр. 198, 171, 27.

какъ представители крестьянской общины, извѣстны только въ восточныхъ областяхъ литовско-русскаго государства. Напротивъ, старцевъ мы встрѣчаемъ и на западныхъ его окраинахъ: въ Пинскомъ княжествѣ ¹⁾, на Волини ²⁾, въ Новгородскомъ повѣтѣ ³⁾, на Подляшѣ ⁴⁾, въ собственной Литвѣ ⁵⁾.

Важно отмѣтить и то обстоятельство, что старцы въ литовско-русскихъ областяхъ несомнѣнно древнѣе литовскаго владычества: наиболѣе раннія упоминанія о нихъ относятся къ концу XIV столѣтія и въ Полоцкихъ волостяхъ ⁶⁾, гдѣ въ то время и не могли еще утвердиться литовскіе порядки.

Въ нашу цѣль не входитъ обзорънне функций другихъ представителей крестьянскихъ властей—приставовъ, сотскихъ, сорочниковъ и десятниковъ; хотя и эти власти выступаютъ во главѣ крестьянскихъ общинъ, особенно когда дѣло касается матеріальныхъ интересовъ общины, но несомнѣнно они, какъ по происхожденію своему ⁷⁾, такъ и потому, что они назначались королемъ, или его урядниками ⁸⁾, не могутъ быть отнесены къ представителямъ самостоятельной общинной жизни. Любопытно одно, что нигдѣ сотники, сорочники или десятники не дѣйствуютъ совмѣстно съ старцами ⁹⁾, хотя нѣкоторые изъ нихъ стоятъ во главѣ волостей. Старцы въ западной половинѣ литовской Руси уже въ первые годы XVI вѣка упоминаются рѣдко, случайно; въ восточной же они представляютъ еще въ тридцатыхъ годахъ XVI вѣка прочный институтъ, вступающій небезуспѣшно въ борьбу съ королевскими намѣстниками. Если мы сопоставимъ это явленіе съ тѣмъ общезвѣстнымъ фактомъ, что измѣненіе древнерусскихъ сельско-хозяйственныхъ отношеній географически распро-

¹⁾ Акты Вил. Арх. Ком., XX, р. 300.

²⁾ Архивъ Юго-Зап. Р., ч. VII, т. I, стр. 88—89.

³⁾ Акты Вил. Арх. Ком., XIII, 387.

⁴⁾ Вил. Арх. Сб., I, 133.

⁵⁾ Акты Лит.-русск. госуд. т. II, стр. 116 и 75.

⁶⁾ А. З. Р., I, 27.

⁷⁾ *Линиченко*, Черты изъ исторіи сословій въ юго-западной (Галицкой) Руси, М. 1894, стр. 116.

⁸⁾ *Любавскій*, *op. cit.*

⁹⁾ Державца могилевскій устанавливаетъ своихъ десятниковъ въ волости, и крестьяне жалуются на это, Акты Литовск.-русск. госуд., т. I, № 235. Въ жалобахъ волости, какъ мы видѣли, часто оспаривается право намѣстника держать въ волости своего слугу, намѣстника. По всей вѣроятности, эти слуги то же, что въ другихъ актахъ десятники и сотники намѣстничьи.

странялось съ запада, то и ранняя замѣна старцевъ въ Подляхѣ, Черной Руси и на Волыни другими, болѣе зависимыми отъ уряда, властями, станетъ вполне понятною. Для замѣны выборныхъ общинныхъ властей были привлечены не новыя по своему происхожденію власти (такъ какъ сотники и пр. тоже старинный институтъ): представители различныхъ специальныхъ службъ, зависимые вполне отъ дворцоваго уряда, были готовымъ матеріаломъ для такой замѣны ¹⁾.

Обратимся теперь къ тѣмъ предметамъ, которые вѣдалъ старецъ.

Прежде всего мы отмѣтимъ, что старцамъ принадлежалъ судъ въ волости или по крайней мѣрѣ участіе въ немъ. Такъ, напримѣръ, Александру жаловались въ 1497 г. старецъ и люди Старцовой волости на намѣстника торопецкаго по поводу разныхъ притѣсненій со стороны послѣдняго; король между прочимъ приказываетъ намѣстнику „не судити ихъ, ни рядити: маєть ихъ судити и рядити старецъ, а любо выѣздчій нашъ, который выѣдетъ къ нимъ по дань нашу, а любо за иные наши дѣла кого вышлемъ“ ²⁾. Въ данномъ случаѣ судъ вѣдался однимъ старцемъ. Но иногда старецъ судилъ съ помѣщичьимъ или королевскимъ намѣстникомъ совѣстно. Въ 1499 году вел. кн. Александръ, рѣшая споръ между владыкою Лукою и мѣщанами полоцкими о людяхъ, данныхъ кн. Скиргелломъ крылошанамъ св. Софіи въ Полоцкѣ, такъ говоритъ относительно суда старца: „а судити мають ихъ (людей) крылошане изъ старцы тѣхъ волостей, а вина на крылошанъ же маєть быти по давному“ ³⁾. Встрѣчаемъ также объ участіи въ судѣ старцевъ и мужей волости въ другихъ мѣстахъ Полоцкаго повѣта ⁴⁾.

Само собою разумѣется, что указать на компетенцію старцеваго суда, вслѣдствіе недостатка данныхъ, нельзя. Но было бы ошибочно думать, что въ приведенныхъ извѣстіяхъ мы имѣемъ дѣло съ какими нибудь исключительными случаями—привилегіями. Грамоты лишь исправляютъ старину; въ послѣднемъ, напримѣръ, случаѣ в. кн. Александръ только подтверждаетъ порядки, установленные нѣкогда кн. Скиргайлою. Недостаткомъ данныхъ нельзя также объяснять, что судебными функціями старцы обладали только въ восточныхъ обла-

¹⁾ Ср. извѣстіе о десятиникахъ владychинхъ, А. З. Р., I, стр. 108.

²⁾ А. З. Р., I, стр. 171. Снислюцкіе волошчане имѣли, по уставѣ, судъ о бѣр-
тахъ, *ibid.*, II, р. 368.

³⁾ А. З. Р., I, стр. 198.

⁴⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, стр. 29.

стяхъ: слѣдуетъ по этому поводу помнить, что мы наблюдаемъ общину въ моментъ ея разрушенія, что, наконецъ, тяжущіеся на копныхъ судахъ, вѣроятно, небезосновательно называли своихъ судей *панове старцы* ¹⁾.

Но судомъ не ограничивалась дѣятельность старца. Главнѣйшія функціи старца состояли въ сборѣ податей. Въ предыдущемъ изложеніи мы уже встрѣчали такіе факты, изъ которыхъ видно, что старецъ и собиралъ подать и игралъ важную роль при раскладкѣ податей. Но мы видѣли также и то, что старецъ не самолично меты металъ на волость, когда оказывалась нужда въ волостныхъ расходахъ, но въ присутствіи мужей волости. Одинъ документъ, на который приходилось уже сослаться въ предыдущемъ изложеніи, указываетъ и на то, что рядомъ со старцемъ въ волости были и *бирчие*, собиравшіе подати и, повидимому, долженствовавшіе отдавать отчетъ въ ихъ употребленіи волости; но роль этихъ бирчихъ по отношенію къ волости не совсѣмъ ясна. Несомнѣнно одно, что предъ скарбомъ представителемъ финансовыхъ функцій въ общинѣ былъ старецъ. Въ большинствѣ случаевъ, особенно въ концѣ XV вѣка, старецъ самъ относитъ волостныя дани въ господарскій скаръбъ ²⁾. Само собою разумѣется, что и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ записяхъ приходоу господарскаго скарба встрѣчаемъ указаніе на то, что волостяне принесли подати, то, надо думать, во главѣ ихъ былъ все-таки старецъ ³⁾; множественное число въ такихъ случаяхъ можетъ служить лишь указаніемъ, хотя и косвеннымъ, на то, что старецъ велъ расчеты съ скарбомъ въ присутствіи другихъ мужей волости, быть можетъ тѣхъ же бирчихъ. Необходимо еще сдѣлать одно замѣчаніе. Въ древнѣйшихъ записяхъ иногда встрѣчается указаніе, что намѣстникъ такой-то волости даетъ дань въ скаръбъ. Ошибочно было бы думать, что въ данномъ случаѣ намѣстникъ замѣняетъ старца: старецъ и намѣстникъ одной и той же волости даютъ иногда дань въ скаръбъ въ одно время; очевидно, слѣдовательно, намѣстникъ даетъ въ скаръбъ со своихъ намѣстничьихъ доходовъ, а старецъ во-

¹⁾ См. указанную статью г. *Опроиса*.

²⁾ Акты Виленской арх. ком., XX, 300; А. З. Р., I, стр. 171; Акты литовско-русс. госуд., т. I, 64.

³⁾ См. Акты литовско-русс. госуд., т. I, стр. 63—64. Въ 1496 г. писарь господарскій „бралъ“ дань съ Задвинскихъ волостей; но оказывается онъ „бралъ“ ее въ Берштахъ—значитъ, сюда принесли старцы, писарь же самъ не ѣздилъ по волостямъ, *ibid.*, 67.

лости—волостные сборы¹⁾. Это обстоятельство требуетъ крайне осторожнаго отношенія къ извѣстіямъ о сборѣ дана съ волости самими намѣстниками.

Для центральнаго правительства старецъ во всякомъ случаѣ является представителемъ финансовой администраціи волости. Если князь освобождалъ кого нибудь отъ тягла виѣстѣ съ волостью, то онъ извѣщалъ объ этомъ не только намѣстника, но и старцевъ²⁾. Равнымъ образомъ, если господарь выдѣлялъ нѣсколько тяглыхъ службъ изъ волости частному лицу, освобождая эти службы отъ государственнаго тягла, то и въ этомъ случаѣ онъ поставлялъ въ извѣстность старца³⁾. Даже выдѣлъ незанятой земли въ предѣлахъ волостной территоріи, въ случаѣ сомнѣній, производился при помощи опроса мужей волости⁴⁾, наконецъ, онъ завѣдуетъ пустошинами въ волости, осаживаетъ ихъ прихожими людьми⁵⁾. Старецъ поставляется также въ извѣстность объ отдачѣ господаремъ мытныхъ сборовъ въ волости⁶⁾.

Отсюда понятно важное значеніе старца во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда такъ или иначе затрогивается финансовая сторона общины. Старецъ въ этихъ случаяхъ является блюстителемъ общинныхъ интересовъ во главѣ волости. Многочисленные случаи подобнаго рода представительства мы видѣли въ предыдущемъ изложеніи, когда передавали факты борьбы волости съ областною администраціею. Но мы остановимся еще на нѣсколькихъ изъ нихъ, рисующихъ дѣятельность старца и кругъ общинныхъ интересовъ.

Въ 1497 г. великій князь Александръ разсматривалъ жалобу намѣстника витебскаго Станислава Глѣбовича на людей Озерницкой и Усвятской волостей. Старецъ и мужи утверждали, что они не обязаны волочить оз. Вымны, потому что освобождены отъ этого грамотою Витовта, и что намѣстники въ данномъ случаѣ ввели новину; но оказалось, что листы освобождали ихъ только отъ платы неводничимъ, а не отъ работы, въ чемъ сознались и сами волощане.

¹⁾ Акты литовско-русс. госуд.: „Мозырскій намѣстникъ далъ 12 коп. гр. великому князю, старецъ мозырскій далъ 4 копы грошей“, т. I, стр. 64.

²⁾ А. З. Р., I, 18; *Леонтовичъ*, Акты Литовской Метрики, № 11.

³⁾ *Леонтовичъ*, *ibid.*, № 74; Акты литовско-русс. госуд., стр. 16.

⁴⁾ *Ibid.*, № 118.

⁵⁾ Арх. Сб. Вил., III, 272, 276.

⁶⁾ *Ibid.*, № 180.

Тотъ же намѣстникъ жаловался на волощанъ Озерницкихъ, что они отказываются косить луки на р. Лужесцѣ и забивать езы ¹⁾. Такимъ образомъ, представители волости пытаются освободиться отъ части лежавшаго на нихъ тягла.

Всякая новина, всякое притѣсненіе со стороны намѣстника встрѣчаетъ отпоръ въ представителяхъ волости, во главѣ которыхъ выступаетъ старецъ. Около 1540 г., напримѣръ, подданные королевскіе подали цѣлый списокъ жалобъ на новины и вымогательства ихъ державцы кн. Андрея Мелешковского ²⁾. Примѣры подобнаго рода жалобъ мы уже видѣли.

Волость была, разумѣется, озабочена правильною и не тягостною для населенія раскладкою податей. Несмотря на противорѣчивыя иногда данныя, все же остается то общее впечатлѣніе, что на волость налагалась общая сумма дани, и разрубъ ея производился самою волостью. Мы выше видѣли, что крестьяне борются съ намѣстниками даже въ половинѣ XVI вѣка изъ-за права самостоятельнаго разруба; видѣли, что крестьяне кладутъ сами разметы; наконецъ, видѣли, что крестьяне сами вносятъ въ скарбъ подати, что предполагаетъ самостоятельную разверстку. Кромѣ всего этого, до насъ сохранилось нѣсколько „уставъ“ податныхъ Могилевской волости: въ нихъ весьма опредѣленно указывается, что съ волости идетъ общій государскій доходъ, независимо слѣдовательно отъ числа ея жителей; доходъ при кор. Еленѣ собирався въ такихъ же размѣрахъ, какъ и въ 20-хъ годахъ XVI вѣка, хотя численность населенія за это время не была однообразною ³⁾. Въ самомъ дѣлѣ въ 1523 г. волощане и старцы Могилевской волости бьютъ господарю челомъ о томъ, что въ волости много пустыхъ земель, которыми они не пользуются, между тѣмъ писаря взимаютъ дани и за пустыя земли; господарь освободилъ ихъ отъ даней съ земель пустыхъ, которыхъ волощане не пашутъ ⁴⁾. Но въ 1530 г. волощанамъ снова пришлось повторять свою просьбу о томъ же ⁵⁾. Просьба волости о сложеніи податей съ пустовщинъ вполне понятна, потому что общинѣ приходилось платить и за ушедшихъ. Устава Вобруйской волости 1533 г. говоритъ объ этомъ вполне опредѣленно: уходъ подданныхъ причиняетъ „шкodu“ скарбу и „тяж-

¹⁾ Акты литовско-русс. госуд., т. I, стр. 76.

²⁾ Акты литовско-русс. госуд., № 199.

³⁾ См. Акты литовско-русс. госуд., т. I, стр. 187 и 173.

⁴⁾ Ibid., стр. 192.

⁵⁾ Ibid., № 206.

кость" оставшимся, потому что послѣдніе „за тыхъ сами дань нашу платять" ¹⁾).

Могилевская волость не представляла исключенія. Въ 1540 г. король Сигизмундъ Старый даетъ грамоту Свислоской волости, которою подтверждаетъ старину: „дань на насъ господаря дають со всея волости подлѣ давного обычаю"; при замѣтѣ дани „ни вридникъ и никто к нимъ не маєть вѣзжать, одно сами мужи и закидываютъ". Замковому вриднику волощане нѣкоторыя подати отдаютъ „съ трехъ сохъ", нѣкоторыя со всей волости, а сѣно и дрова — съ дыму ²⁾. Такимъ образомъ, раскладка государственныхъ податей лежала на волости ³⁾. И несмотря на всѣ препятствія, такой порядокъ, то-есть, опредѣленіе общей суммы господарскихъ доходовъ съ волости, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ продолжается до конца XVI столѣтія. Еще въ 1589 г. Сигизмундъ III подтверждаетъ нѣсколькимъ мелкимъ волостямъ Полоцкаго повѣта ихъ старину: скарбовый реестръ, которыми дани съ этихъ волостей опредѣлены общею суммою съ каждой волости ⁴⁾. Въ виду этого, разъ мы встрѣчаемъ въ люстраціяхъ половины XVI вѣка опредѣленіе господарскихъ даней съ цѣлаго села, то естественно предположить, что податная разверстка лежала на обязанности села ⁵⁾.

Приходилось не разъ уже указывать на то, что мѣстная администрація борется съ особенностями крестьянскаго самоуправления. Мѣстной администраціи было выгодно замѣнить своими служебниками

¹⁾ Книга Зап. Лит., XV, л. 172.

²⁾ А. В. Р., II, 367.

³⁾ Приведемъ еще нѣсколько данныхъ, говорящихъ объ общинной раскладкѣ: въ судебномъ вырокѣ М. Радивиля по поводу жалобы волости Мозырской на державцу своего Нарбута мѣщане жалуются: „Мы дей съ волостью подлѣ привилія его королевское милости платъ ерочистый даемъ двесте копъ и шестьдесятъ копъ грошей, а двесте и шестьдесятъ бочокъ жыта; с того дей державца медъ выхованье свое мѣти и посла и гонца стацеями и подводами поднимати". Кн. Судн. Дѣлъ Лит., XVII, лл. 84—87.

⁴⁾ „Нищатская волость повинни давать, водлугъ реестру старого, бобровщини по полтрети кони грошей широкихъ, меду пресного пудовъ чотырѣ, за данью городничому полоцкому дванадцать грошей широкихъ, на сторожи замковые съ дыму по два гроши широкихъ, хоружому полоцкому по двѣ копе грошей литовскихъ, его кролевской милости одну свѣтлицу съ иными волостями, съ людьми волость Клясицкое" и т. д., А. Ю.-В. Р., I, 229.

⁵⁾ Дань со всего села опредѣлена, напримѣръ, въ селахъ Остерскихъ и Мозырскихъ, см. Архивъ Юго-Зап. Р., ч. VII, т. I, стр. 597 и стр. 620 и слѣд.

представителей волости. Очень возможно, что бѣдность крестьянъ или другія причины побуждаютъ ихъ вносить въ скарбъ меньше, чѣмъ считали скарбные реестры. Администраторы не разъ ссылаются на недобросовѣстность данниковъ при взносѣ дани, а помочь скарбу предполагалось или усиленною опекой надъ общиной, или полнымъ отнятіемъ у крестьянства его правъ на раскладку податей. Понятно и то, что неподвижность государственныхъ, опредѣляемыхъ по старинѣ, податей не могла не озабочивать скарбъ, нужды котораго въ половинѣ XVI вѣка разрастаются. Реформа крестьянскаго землевладѣнія явилась при такихъ условіяхъ логическою необходимостью и для центральнаго правительства. Она явилась въ видѣ волочной системы. При введеніи волочной помѣры финансовая особенность общины теряла всякое значеніе. Это доказываютъ не только многочисленныя люстраціи, въ которыхъ строго проведенъ принципъ правительственной разверстки податей, отчасти и повинностей, но и нѣкоторыя болѣе прямые указанія. Въ 1561 г. Григоріемъ Воловпчемъ и Николаемъ Нарушевичемъ дана была Рѣчицкой волости устава, опредѣляющая подати и повинности города и волости уже на основаніи волочной помѣры. Устава прямо говоритъ о прекращеніи волостной разверстки въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „мѣщане в мѣстехъ и старцы по волостяхъ мають вжо престати разрубовъ и розметовъ класти на подданныхъ господарскихъ: бо вжо яко волощане, такъ и мѣщане господарскіе отъ того вызволены и выняты суть“ ¹⁾. Но, что создалось вѣками, то не сразу поддавалось правительственной регламентаціи. Такъ въ волочной уставѣ Могилевскихъ волостей нѣкоторыя подати и повинности, какъ бобровщина и сторожовщина, оставлены при волостной разверсткѣ ²⁾.

Указывая на самостоятельность въ податномъ отношеніи волостной общины, необходимо сдѣлать еще одну оговорку. Мы говоримъ объ общинѣ конца XV и начала XVI стол. Здѣсь является вопросъ: слагаются ли финансово-административные порядки общины на глазахъ исторіи подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ факторовъ общегосударственной жизни, или эти порядки стариннаго происхожденія? Слишкомъ много было приведено фактовъ для того, чтобы составилось убѣжденіе въ томъ, что мы имѣемъ дѣло съ общиной въ моментъ ея разрушенія: сначала борьба ведется на почвѣ личныхъ

¹⁾ А. З. Р., IV, стр. 180.

²⁾ Арх. Сборн. Вил., I, стр. 188.

отношеній мѣстной администраціи съ волостью; съ половины XVI вѣка на помощь уряду выступаетъ центральное правительство со своими реформами. Но когда сложилось то общинное зданіе, которое разрушаютъ въ первой половинѣ XVI вѣка,—сказать трудно. Что оно не могло слагаться въ періодъ разрушенія,—это понятно. Но нѣтъ источниковъ, чтобы проникнуть въ болѣе раннее время, въ періодъ созиданія литовско-русского государства. Чтобы не уклоняться въ сторону, мы ограничимся лишь предположеніемъ, что и въ начальный періодъ литовско-русского государства обозначенная организація, по крайней мѣрѣ, въ финансовой сферѣ уже существовала. Въ одной грамотѣ вел. кн. Витовта, данной борисовцамъ о тивунскомъ доходѣ, встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто: „а вѣсити (медовую дань—тивунскій доходъ) ихъ челоуѣку борисовцу по старинѣ передъ тивуномъ и передъ мужми, а тивунамъ и слугамъ его въ то не вступатися и ничѣмъ чрезъ пошлину не обидити“¹⁾. Нельзя широко толковать эту грамоту, но можно, кажется, представить порядокъ отдаванія дани такой: „челоуѣкъ“, — мы бы приравнили его старцу, — въ присутствіи мужей волости сдавалъ дань тивуну отъ всей волости; слѣдовательно и дань была собираема самими волоощанами. Такимъ образомъ, нѣтъ данныхъ видѣть въ административно-финансовой дѣятельности общины такого явленія, которое сложилось бы сравнительно недавно подъ влияніемъ тѣхъ или иныхъ условій государственной жизни. Надо помнить, что литовско-русское правительство неоднократно заявляетъ свое стремленіе охранять обычай „звечный, стародавній“: „мы никому съ подданныхъ нашихъ новины не вводимъ, а старины не рушаемъ“²⁾.

Изучающему западно-русскую общину приходится съ особенною тщательностью собирать факты, указывающіе на ея финансовую самостоятельность. И это потому, что на ряду съ положительными фактами, встречаемъ, повидимому, и отрицательные. Хорошо извѣстенъ характеръ многихъ жалованныхъ грамотъ великихъ князей и удѣльныхъ, въ которыхъ точно опредѣляются дани съ двора или челоуѣка, жалуемаго княземъ. Если дань опредѣляется съ двора, то съ двора ее и платятъ, и это относится не только къ дякольнымъ дворамъ, но и къ данникамъ³⁾. Мало того, въ тѣхъ же волостяхъ,

¹⁾ А. Ю.-З. Р., т. I, стр. 3.

²⁾ А. З. Р., II, 368.

³⁾ Напримѣръ, люди Шершневици въ Завеской волости давали на ключъ Кіевскій ведро меду прѣснаго, Акты литовско-русс. гос., I, стр. 69; челоуѣкъ-данникъ Бран-

гдѣ встрѣчаемъ прямыя указанія на разверстку податей, встрѣчаемъ люстраціи, въ которыхъ подати разверстаны подворно, таково, напр. Гомельская волость ¹⁾, или данники Оршанской волости ²⁾, Ратненскаго староства ³⁾ и др. Эти факты не легко объяснить. Первое впечатлѣніе, которое получается при сопоставленіи ихъ съ данными бытового и юридическаго характера, освѣщающими раскладочную дѣятельность общины, таково, что эти бытовые факты противорѣчатъ законодательнымъ постановленіямъ, каковыми являются цитированныя выше уставы волостямъ. Но въ данномъ случаѣ необходимо имѣть въ виду еще нѣкоторые соображенія. Если разобрать древнѣйшія постановленія (а они наиболѣе характерны), въ которыхъ встрѣчается подворническое опредѣленіе даней, то прежде всего является сомнѣніе, какого рода дворища въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мы имѣемъ, то-есть, жалуются ли княземъ боярское служебное дворище, уже раньше выдѣленное изъ общины, или же дворище выдѣляется изъ общины только въ данный моментъ самымъ актомъ пожалованія. Приведемъ примѣръ для поясненія. Ивашко Русиничъ проситъ у вел. кн. Александра села Сомина въ Володимірскомъ повѣтѣ. Господарь поручилъ справиться Василю Храбровичу, „какое то ест сѣло, а што нам с него плату идет“. Село оказалось тяглое, дань съ него шла опредѣленная. Но раньше Сомино было во владѣніи уже двухъ бояръ Казарина и Тишка ⁴⁾, и такимъ образомъ на господаря никакихъ съ него платъ не шло. Село, слѣдовательно, было давно уже выдѣлено изъ общины (конечно, если само оно не составляло общины), и, конечно въ періодъ частнаго владѣнія подати и повинности съ него опредѣлялись независимо отъ общинной раскладки. Далѣе, иногда грамота давалась на людей уже послѣ того, какъ получающій ее вступилъ во владѣніе людьми по намѣстничьей данинѣ ⁵⁾. Наконецъ общенз-

скаго пов. давалъ кадъ меду, ведро ловчее, сокола на городъ, *ibid.*, стр. 78; село Бабиничи Смоленскаго пов. даетъ кадъ меду, 15 грошей, посошину, куницу, насадку меда и пива и *жито* (значить дявольникъ), *ibid.*, стр. 89, ср. дань съ данниковъ Житомирскаго повѣта, стр. 117; съ села Жасковичевъ въ Мозырскомъ пов. шло шесть копъ грошей, ведро и три полуколомъ меду, 4 бобра, 2 куницы, 18 грошей волошцынъ и др., стр. 118; съ села Тулеговичевъ того же повѣта шло всѣхъ даней на 10 копъ грош, *ibidem*, стр. 119 и нѣк. др.

¹⁾ Акты Вил. Арх. Ком., XIII, стр. 343 и слѣд.

²⁾ Акты лит.-русс. госуд., т. II, стр. 123 сл.

³⁾ Архивъ Ю.-Зап. Р., ч. VII, т. 2, стр. 272 и слѣд.

⁴⁾ Акты литовско-русс. госуд., т. I, стр. 91—92.

⁵⁾ *Ibidem*, напримѣръ, стр. 55 и др.

въстенъ и тотъ фактъ, что даннну большею частью подыскивалъ себѣ самъ проситель и просилъ о подтвержденіи; разумѣется, подыскавшій землю съ людьми долженъ былъ опредѣлить предъ господаремъ и ея доходность ¹⁾, то-есть, ту часть дани, которая, наложенная по раскладкѣ, приходилась съ просимыхъ людей. Но самый процессъ подыскиванія земель разказывается въ жалованной грамотѣ не всегда; не всегда можно для каждаго единичнаго случая указать, что земля жалуемая и раньше была служебною, а не выдѣляется впервые изъ волости. Хотя мы иногда встрѣчаемъ и непосредственное выдѣленіе людей изъ волости ²⁾, но и здѣсь надо имѣть въ виду условія данинъ: господарь подтверждаетъ или даннну „до воли и ласки господарской“, или насмотрѣнныя самимъ просителемъ: въ обоихъ случаяхъ получающій можетъ указать, какую дань даютъ просимые люди.

Но еще болѣе интересенъ тотъ фактъ, что сама подворничная или подымная раскладка, зарегистрированная скарбовою люстраціею, не исключаетъ общинной раскладки. Такъ люстрація Реваницкой волости (данники Радомковской волости) опредѣляетъ дань подымно; немѣющіе хозяйственнаго инвентаря обложены такою же данью, какъ и имѣющіе его. Дѣло разъясняется довольно просто: на господаря идетъ общая сумма, а волошчане сами ее раскладываютъ, соразмѣрно имуществу плательщиковъ ³⁾. Тѣ же порядки объяснены люстраторами Ратненскаго староства ⁴⁾, имѣнія Титованъ ⁵⁾ и пр. Очевидно, люстрація разверстывала общую сумму шедшей съ общины подати лишь приблизительно для опредѣленія дѣйствительной доходности въ извѣстный моментъ; но это была только теоретическая раскладка, а фактическая все-таки оставалась на обязанности самихъ плательщиковъ.

До сихъ поръ говорилось о государственныхъ податяхъ. Но онѣ не столько тяготили населеніе, какъ намѣстничьи сборы. Державца

¹⁾ Ср., напримѣръ, *ibidem*, стр. 169; путные люди, напримѣръ, были об-
лижно выпрошены за тяглыхъ, *ibidem*, стр. 186; др. факты ср. стр. 129, 127 —
128, 118 и др.

²⁾ Акты литовско-русска. госуд., I, стр. 16: „Ино еще придали есмо у Бобруй-
ской волости... три дворы, што въ Чичерскую волость подали ся были“.

³⁾ Акты лит.-русскаго государства, т. II, стр. 118.

⁴⁾ Дань медовая разложена по дымамъ, но: *Myodu dannego, wedlie dawnego
zwiększu, yaka na ktorego przimialosci przichodzi* и т. д.; Архивъ Юго-Зап. Р. ч.
VII, т. I, стр. 292.

⁵⁾ А. Вил. К. XIV, 11.

собиралъ свой доходъ не съ волости, а съ дыма, дворища, службы ¹⁾; волостельскіе доходы отличались при томъ разнообразіемъ, которое могло подавать поводъ къ злоупотребленіямъ и введенію новины. Державца же выбиралъ свои доходы не черезъ старца, а черезъ своихъ приказчиковъ и десятниковъ или сами лично.

Неопредѣленность намѣстническихъ доходовъ, ихъ разнообразіе давали поводы къ всевозможнымъ злоупотребленіямъ. Чтобы предотвратить притѣсненія крестьянъ со стороны намѣстниковъ, великій князь издавалъ неоднократно уставы, опредѣляющія повинностныя отношенія крестьянъ; иногда сами крестьяне приходили себѣ на помощь, заключая съ намѣстникомъ договоры. Такъ, напримѣръ, волость Могилевская заключила договоръ съ своимъ намѣстникомъ княземъ Соломорецкимъ: могилевцы обязались давать князю ежегодно 120 копѣ грошей широкихъ за освобожденіе отъ подводъ, пастбы стада намѣстника, отъ сторожей на намѣстничьи потребности и пр. ²⁾. Подобнаго рода договоръ заключила и Мозырская волость съ своимъ державцею Андреемъ Немировичемъ въ 1510 году, хотя онъ и не исполнялъ договора ³⁾. Поэтому государь, разо-

¹⁾ Впрочемъ, державцы иногда часть своихъ доходовъ берутъ со всей волости, другую часть (болѣе мелкихъ) съ сохъ или дымовъ. Свислодская волость жаловалась на своего державцу п. Немировича въ 1534 г. за введеніе разныхъ новинъ, при чемъ новинами названы и волостельскіе доходы съ сохъ и дымовъ. Государь такъ опредѣлилъ намѣстничій доходъ: „водле стародавнаго обычая, какъ и за первыхъ державцевъ нашихъ бывало: 10 каменей меду, 8 яловницъ, 8 вепровъ, 8 барановъ, а 2 бочки соли, а съ трехъ сохъ мають дати по солянцу жыта, а по солянцу овса, а по корцу крунъ, а з дыму по сыру, а по курати, по 10 еецъ а по фаску масла, а по возу сена“. Акты литовско-русска. госуд., т. I, № 224, ср. №№ 241 и 235.

²⁾ Акты Литовско-русска. госуд., т. I, № 235.

³⁾ Подобнаго рода договоры не единичны. Изъ вырока между старостой жойтскимъ М. Радивиломъ и волостью Тондягольской оказывается слѣдующее. Получивъ староство, Радивилъ собралъ представителей всѣхъ волостей въ свое имѣніе Кейданы и заявилъ имъ, „якъ я по посѣден не хочу ездити, яко предковѣ мои ездывали для того, ижъ вамъ з большою шкодою и утратою будетъ, и болшей бы вамъ вышло, коль бысте мене подымовали. Гдѣжъ ся имъ то подобало. А к тому еще в каждой волости по два вриадники бывали—тивунъ з наместникъ, а от нихъ слуги два“. Радивилъ установилъ въ волости по одному вриаднику, тивунскіе доходы „показати“. „И учинилъ з ними угоду со всеми людьми и волости староства моего, положилъ на нихъ платъ, якъ у волостяхъ господарскихъ: з людей идеть на господаря его милость изъ сохи по полукопѣ грошей, а к тому по бочке овса, по возу сена, з дыму по курати, по десети яецъ... И они то принали сами добровольне, на што есьми у кождую волость листы мои подавалъ, а имъ особыми листы далъ, где жъ они на то призволили и хвалили, подналися то платити“. Акты Литовско-русска. госуд., I, № 239. Договоры могилевскихъ волостанъ съ державцею кн. Соломорецкимъ см. *ibidem*, №№ 235 и 241.

бравши дѣло, далъ волости подробную уставу. Характерною особенностью послѣдней является слѣдующее обстоятельство. Волость обязалась съ города и съ волости давать державцѣ по полукопѣ съ дыму. Но оказывается, что и этотъ подымный налогъ раскладывался волостью и при томъ падалъ неравномѣрно на всѣхъ плательщиковъ, хотя и была принята единица обложенія—дымъ. Мѣщане и волостные мужи обязались вносить и за малоимущихъ своихъ однообщинниковъ: если плательщикъ не будетъ въ состояніи уплатить налога, и для этого ему пришлось бы продать дитя или уйти изъ волости, то волость обязана раскинуть платежъ на болѣе богатыхъ мужей ¹⁾).

Впрочемъ, надо имѣть въ виду, что не всѣ повинности и на-мѣстничьи платежи, даже при отсутствіи договора, разлагались самимъ урядомъ на единичныхъ плательщиковъ: сторожа, подводная повинность, замковая работа и нѣкоторыя другія повинности по раскладкѣ своей вѣдались самою волостью; точно также, если державца не вѣзжалъ въ волость, то получалъ свои доходы со всей волости ²⁾).

Если подати налагаются на всю волость, то весьма понятно, что волость зорко слѣдитъ за всѣми случаями захвата волостныхъ тяглыхъ людей сосѣдними замлевладѣльцами. О всякомъ такомъ захватѣ волость извѣщаетъ господаря и зоветъ на его судъ расхищающихъ волость ³⁾).

Нужно отмѣтить еще одну черту, объясненіе которой лежитъ въ самомъ характерѣ отношеній мѣстной администраціи къ волости. Правительство часто не знаетъ, на какую сторону можно положиться: оно не довѣряло и своимъ урядникамъ и самимъ волощанамъ. Въ 1525 г., напримѣръ, господарь издаетъ указъ старцамъ и мужамъ волости Могилевской, чтобы они давали тивунщину прямо въ скарбъ; раньше, говорится въ листѣ, волость давала тивунщину тому, кому князь поручалъ; теперь, еслибы изъ канцеляріи даже былъ выданъ кому либо листъ на выбирать тивунщины, — волость не должна выдавать и на такой листъ ⁴⁾).

Правительству часто приходилось считаться съ расхищеніемъ скарбовыхъ доходовъ его же чиновниками ⁵⁾).

¹⁾ Акты Литовско-русс. госуд., т. I, стр. 144—146.

²⁾ См., напримѣръ, Акты Литовско-русс. госуд., т. I, стр. 173.

³⁾ Ibidem, стр. 61 и др. *Леонтовичъ*, № 319.

⁴⁾ Акты Литовско-русс. госуд., т. I, стр. 198.

⁵⁾ Съ Бобруйской волости не дошло въ 1523 въ скарбъ даней, обозначенныхъ въ реестрахъ: „а передъ тымъ не только с тое волости дани выхаживало, о чомъ же мы добре ведемъ и реестра оное сумы и теперъ въ насъ суть“, а писаря побрали собранное себѣ. Кн. Зап.-Литовск., XV, л. 102—108. (Акты Литовско-Русск. госуд., I, № 219).

Но и представители уряда зорко слѣдили за слабыми сторонами волостныхъ порядковъ. Если волость неисправно вносила платежи, находился желающій взять волость въ держанье для болѣе исправнаго взиманія податей. Въ 1528 г. Сигизмундъ I отдалъ въ держанье волость Горвольскую Богдану Шолухѣ, потому что она, по докладу того же Шолухи, неисправно вносила дани: державца долженъ былъ выбирать дани и вносить въ скарбъ общую сумму, которая полагалась съ волости, „врокомъ“ ¹⁾).

Предыдущее изложеніе выясняетъ двѣ разновидности одной и той же финансовой дѣятельности общины. Но у волости была еще одна сторона той же дѣятельности—собственные волостныя нужды, на которыя требовались разметы между волощанами.

Нѣтъ необходимости повторять здѣсь то, что говорилось раньше о правахъ волости дѣлать разметы на свои надобности. Волость имѣла и свои „волостныя пенези“. Напомнимъ, что и въ эту сферу дѣятельности общины проникаетъ опека уряды и пытается, подъ разными предлогами, ограничить волостную самостоятельность.

Къ счастью, наши источники сохранили намъ кой-какія свѣдѣнія о томъ, какія иногда бывали у волости нужды, на которыя она собирала сборы. Въ 1540 г. подданные с. Лебедева Берестейскаго повѣта разрушили мельницу, построенную пушкаремъ берестейскимъ Маркомъ Зубрицкимъ на землѣ, которую они признавали спорною. Староста п. Александръ Ходкевичъ присудилъ со всего села Зубрицкому за гвалтъ 40 копъ грошей; 80 копъ они заплатили готовыми деньгами, а въ 10 копахъ заложили Зубрицкому двѣ нивы. О своей мировой съ Зубрицкимъ подданные лебедевцы, во главѣ со своимъ старцемъ, составили листъ вызнанный ²⁾). Въ этомъ документѣ источники сохранили намъ одинъ изъ поводовъ, когда волощанамъ надобилось прибѣгнуть къ самообложенію. Иногда и сама волость по суду, напримѣръ, получала ту или другую сумму. Такъ въ 1555 г. старецъ моголевскій Андрей Печера съ другими представителями волости просилъ записать въ книги канцелярейскія, что волость получила удовлетвореніе отъ бояръ Радки Щолкановича и Семена

¹⁾ Ibidem, стр. 206.

²⁾ Кн. Зап. Литовск., XIII, л. 28 об.—29 об. Разрушеніе мельницы было сдѣлано, конечно, по постановленію громады. Примѣры подобныхъ постановленій извѣстны и изъ другихъ документовъ, см., напримѣръ, Архивъ кн. Сангушекъ, IV, стр. 174.

Котла въ количествѣ 104¹/₂, копъ грошей ¹⁾). Къ сожалѣнію, заявленіе крестьянъ не объясняетъ, почему эта значительная сумма была дана волости боярами, но, надо думать, она была присуждена за какое либо безчестіе или убытки.

Само собою разумѣется, что эти случайными указаніями вовсе не исчерпываются всѣ поводы, когда волость расходовала на свои волостныя потребности деньги, или сама ихъ получала. Мы не можемъ и ожидать обилія фактовъ подобнаго рода отъ книгъ государственной канцеляріи, которыя сохранило намъ время. Можно отмѣтить еще, что община имѣетъ, напримѣръ, свой перевозъ и беретъ на немъ мыто ²⁾, имѣетъ свою общинную церковь ³⁾, наконецъ мельницу ⁴⁾. Но и этого достаточно, чтобы видѣть, что община представляла изъ себя не только государственную финансово-административную единицу, но имѣла и собственный кругъ дѣятельности.

Самою важною, конечно, стороною общинной жизни было владѣніе землею. Разрѣшеніе этого вопроса представляетъ наиболѣе затрудненій для изслѣдователя западно-русской общины. Обыкновенно признаютъ, что въ Западной Россіи преобладающею формою крестьянскаго землевладѣнія уже съ XV вѣка является двориче, служба съ семейно-родовымъ характеромъ. Мы встрѣчаемъ въ актахъ дворича, имѣющія опредѣленный земельный надѣлъ, съ котораго идетъ опредѣленная служба. Разъ двориче оформилось такимъ образомъ, то, по видимому, здѣсь нѣтъ мѣста для общиннаго владѣнія по крайней мѣрѣ нахотною землею. Однако, надо отличать такіа дворича и службы, которыя почему либо выдѣлились изъ общины; необходимо, поэтому, обратиться къ неразложившейся общинѣ. Выше нами былъ приведенъ общественный приговоръ мужей Любошанской волости о выборѣ старца. Оканчивается этотъ приговоръ слѣдующимъ постановленіемъ тѣхъ же мужей: „Итакъ ся есмо его милости господарю подвезали: изъ которыя земли паставскія в той волости Любошанской есть, мы тыи земли на себе розобрати хочемъ. А маемъ с тыхъ земель господарю его милости в каждый годъ данъ медовую, и грошовую, и бобры и кунцу

¹⁾ Кн. Судн. Дѣлъ Литовск., XXXIV, л. 87.

²⁾ Леонимовичъ, Акты Метрики Литовской, I, № 881.

³⁾ Акты литовско-русскаго государства, II, стр. 119 (Радомшовская волость).

⁴⁾ Ibidem, стр. 116: „Село Реваничы... при немъ река от села на пол-мили, зовутъ ее Уша, на которой есть ставъ и млынъ мелеть, ниже волость Реваницкая сами себе тотъ ставъ заняли и на нихъ же мелеть, а отъ чужовождцовъ завову нѣтъ“.

все сполна выдавати до скарбу его милости по старому" ¹⁾). Приведенный фактъ не даетъ опредѣленнаго отвѣта по вопросу о характерѣ общиннаго землевладѣнія. Изъ него ясно одно, что къ волости тянется извѣстная неразработанная территория, которую крестьяне рѣшились „разобрать“ по службамъ; за взятую землю они обѣщаютъ вносить причитающееся на господаря количество даней; мало того, община считаетъ нужнымъ извѣстить объ этомъ господаря. Извѣстенъ и другой аналогичный случай: крестьяне полоцкаго воеводы Яна Глѣбовича бьютъ челомъ своему помѣщику о дозволеніи передѣлить между собою *всѣ* земли и дани распределить поровну по службамъ; воевода позволилъ имъ раздѣлъ, но въ присутствіи своего приказчика ²⁾). Можно впрочемъ, указать и на то, что не всегда крестьяне извѣщали господаря о предпринятыхъ ими сообща разробкахъ: въ Пинскомъ староствѣ великій князь

¹⁾ „Мы мужи Любошанцы, с порученья всея волости Любошанское визнаваемъ сими нашими листомъ,—Ясь с Кежерова, Панко съ Стоялъ (?), Мышко с Кожичъ, Слудъ Высоки, Симонъ съ Сушы, Сорока в Хочичъ, Дорошъ Старничъ, Платонъ с Варикошичъ, Иванъ в Далень, Семенъ Старничъ, Андрей Хороховскій в Добрыловичъ, Фома Масть (с) Добрыловичъ, Данило Сланковичъ в Далень, Мокей с Высокихъ, Илейка в Бросневичъ, Толстый в Довгоедъ, Селивонъ, старецъ, в Лешницы, Прикрый в Любошанехъ, Овсей Семеновичъ (в) Любошанъ—обобрали есмо вси восполонъ старцомъ человека волости Любошанское ж на имя Селивона Хласовича. И такъ си есмо его милости господарю подвезали: якъ который земли наставскими (очев. наставскими) в той волости Любошанской есть, мы тие земли на себе разобрати хочемъ, а маемъ с тыхъ земель господарю его милости в каждый годъ дань медовую и грошовую и бобры и купичу—все сполна выдавати до скарбу его милости по старому. И на то дали есмо сей нашъ листъ под нашими клейны. Писанъ у Вильни под лето бож. нарож. 1600, мѣа мар. 9 день, индиктъ 7^а. Кн. Судн. Дѣлъ Лит. VII, л. 115—115 об.

²⁾ Фактъ указанъ у *Любаскаго*, Областное дѣленіе, стр. 471. Приводитъ этотъ важный документъ: „Про память панъ его милость (воевода полоцкій) казалъ в книги записати: Штожъ били челомъ его милости люди вси волости Готлянской и Гостиловской, абы его милость дозволить имъ всѣ земли ихъ пашинны и бортины и дань медовую и грошовую на равныя части межъ нихъ поровновати и по службамъ поделити. И панъ его милость то имъ дозволить передъ вранникомъ своимъ сее весны вчинити. И якъ вчинять, о томъ казалъ его милость до себе имъ описати. А которые половицы девятое меры дани медовое и грошовое, то колько лѣтъ пану его милости недавали,—якды си в земляхъ поровнанье межъ нихъ стаетъ, на онъ часъ вси люди Готлянские будутъ повинны пану его милости тую дань, которая у нихъ колько лѣтъ погинула, сполнити, а за утаенье и за неотдаванье тежъ дани хмелевое мають польтрети копъ грошей заплатити. Писанъ в Готлянскихъ, под лето бож. нарож. 1688, мѣа декабря 15 день, индиктъ. 12^а. Кн. Зап.-Литовск. XVI, л. 283.

далъ землю въ волости какой-то Святохнѣ; но оказалось, что крестьяне „разробили“ эту землю на себя, и король велѣлъ обыскать Святохнѣ землю въ другомъ мѣстѣ ¹⁾. Наши данныя могутъ быть истолкованы и въ томъ смыслѣ, что крестьяне, разработавъ на пашню общинный лѣсъ или выгонъ, дѣлили его между дворищами, службами, на чемъ и прекращалась власть общины надъ общинною землею; но и такое толкованіе не вполне оправдывается другими фактами. Известны, напримѣръ, случаи, когда село, даже частновладѣльческое, выдѣляетъ часть земли на церковь, вслѣдствіе общиннаго приговора ²⁾, или случаи, когда сверхъ земли, разложенной по службамъ, оставалась еще пашня, которую крестьяне пахутъ „сообща“ ³⁾. Подданные села Лебедина, приговоръ которыхъ по дѣлу съ Зубрицкимъ мы цитовали выше, выдѣлили послѣднему въ заставу двѣ нивы ⁴⁾. Но здѣсь является вопросъ: какія нивы они выдѣлили? Или они выдѣлили такіа нивы, которыя пахались всѣмъ селомъ сообща, или

¹⁾ Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, стр. 277. О необходимости разрѣшенія для роспашей въ господарской пущѣ см., напримѣръ, *Леонтовичъ*, *Акты*, стр. 140.

²⁾ Нѣсколько указаній приведено проф. *Владимѣрскимъ-Будановымъ*, основанныхъ на писцовыхъ книгахъ Пинскаго староства, *оп. сіѣ.*, стр. 378.

³⁾ Писц. кн. Пинск. стар., II, стр. 242.

⁴⁾ Мы мужи господарские Лебедевцы Ялущъ Мицковичъ, старецъ, а Олексей Михалковичъ и Өодко Панасовичъ, Кузма Ковалевичъ, Мадко Панасовичъ, Артимъ Александровичъ и Мицъ Игнатювичъ со всеми потужниками нашими визнаваемъ сими папимъ листомъ сами на себе пану Марку Зубрицкому, пушкарю замку Берестейскаго, што его милость панъ Александръ Ивановичъ Ходкевича, староста берестейскій присудилъ на насъ пану Марку за гвалты сорокъ копъ грошей. Іно вже есмо его милости заплатили тридцать копъ грошей а десеть грошей на насъ еще zostалося, нижли мы бавечи трудность и упадокъ нашъ, штожъ пенезей такъ скоро достати не могли, чимъ быхмо мели и тую десеть копъ грошей заплатити, и просили есмо его милости, абы онъ узалъ у насъ у заставе у тыхъ десети копахъ грошей две поля изъ житоми. Якожъ его милость бачечи нашу трудность и впадокъ взялъ его милость тми две поля в тыхъ десети копахъ грошей у заставе, которое жъ одно поле от Добротичъ, едучи къ Конитову, налеве за дорогою вперло у самий ставъ пана Марковъ в реку Корошчину, а другое поле... гдежъ есмо пану Марку его милости тая обе поля предъ вижомъ замковымъ завели, не оставуючи ихъ ничего на себе. И масть его милость тме поля до тыхъ часовъ держати, поки его милости пенези вышей писаные отдамо. А естли быхмо пенези не отдавши а в поля тме чимъ кольвекъ уступовати ся мели, тогды маемъ пану Марку съ совитостью тме пенези заплатити, а на замкъ вини десять копъ отдати“,—дагѣ слѣдуютъ подписи свидѣтелей. 1540 г. 20-го января. Кн. Зап.-Литовск. XIII, л. 28 об.—29.

они выдѣляли нивы своихъ однообщинниковъ; въ послѣднемъ случаѣ, чтобы уравновѣсить взносъ на общественныя нужды, они должны были передѣлить остальную землю села между собою. Но для насъ важно здѣсь то, что сельская община считаетъ себя вправѣ распоряжаться общинною землею, независимо отъ того, раздѣлена она на дворща, или нѣтъ.

Если трудно найти положительные факты, которые указывали бы вполне ясно на способы общиннаго землепользованія пахотною землею, то за то относительно сельско-хозяйственныхъ угодій дѣло обстоитъ иначе. Каждое село или нѣсколько селъ имѣли земли бортныя, бобровыя гоны, лѣсъ, выгоны, которые къ нему тянули. Этими ухажаями они распоряжались сообща, и если кто нибудь нарушалъ ихъ право владѣнія, то вся община защищала свою землю. Такъ въ 1529 г. помѣщикъ Вагановскій судился передъ королемъ съ людьми пужичкими и токаревскими (въ Берестейскомъ повѣтѣ): люди этихъ двухъ селъ не позволяли ему имѣть вступъ и въѣздъ и разрабатывать новую пашню въ пушчѣ Пужицкой. Но Вагановскій доказалъ свидѣтельскими показаніями, что эти пуща и земли „здавна посполитые“, что пуща „спольная“ пужичанъ и токаревцевъ съ его людьми. На этомъ основаніи судъ вынесъ такое рѣшеніе, что пуща должна находиться въ общемъ пользованіи двухъ названныхъ селъ и людей пана Вагановскаго: „одинъ безъ другого воли не маєть никому дерева съ тое пущи давати, а роспаша мають собе въ той пущи роспахивати, а одинъ у другого поля, какъ у старіе, такъ и новые не мають ся уступати“¹⁾). Такимъ образомъ, крестьяне отстаиваютъ угодья, которыя находились въ пользованіи двухъ селъ; но раньше съ ними, очевидно, были въ совладѣніи люди Вагановскаго, пока послѣдній не получалъ ихъ у короля. Пужичане и токаревцы хотѣли воспользоваться переходомъ своихъ однообщинниковъ къ помѣщику, но судъ рѣшилъ иначе.

Въ источникахъ мы встрѣчаемся неоднократно съ аналогичными случаями. Укажемъ еще на нѣкоторые изъ нихъ. Такъ, въ 1495 г. люди Грежане искали передъ великимъ княземъ на ключникѣ Львѣ Боговитиновичѣ землю полазную и островъ Чертовичи²⁾; люди не доказали своего права, и земля осталась за ключникомъ. Въ томъ же году великій князь рассматривалъ тяжбу Рославской волости съ Бо-

¹⁾ Кн. Зап.-Литовск. XVII, л. 64—66.

²⁾ Леонтовичъ, № 169.

рисомъ Семеновичемъ. Волость обвиняетъ послѣдняго въ томъ, что онъ занялъ семь селъ изъ волости безъ данины господарской; далѣе, волость указываетъ на то, что Семеновичъ занялъ ихъ дуброву, выгонъ городской ¹⁾. Оба обвиненія и въ данномъ случаѣ не имѣли успѣха, потому что у отвѣтчика оказались листы—данины. Люди токаревскіе Берестейскаго повѣта имѣютъ, напримѣръ, свои земли пашныя, бортныя и сѣножатъ, которыя отстаиваютъ всѣмъ селомъ ²⁾. Въ Ратненскомъ староствѣ громада владѣетъ островомъ ³⁾. Люди Дубляне Городенскаго повѣта сожгли дворецъ Тышки Гринковича, утверждая, что онъ построилъ дворецъ на ихъ „властной“ землѣ ⁴⁾. Крестьяне Берестейскаго повѣта ищутъ на судѣ своей „отчины“ земли ⁵⁾.

Когда рѣчь идетъ о такомъ важномъ и спорномъ вопросѣ, какъ общинное землепользованіе, изслѣдователю приходится быть весьма осторожнымъ въ выводахъ. Надо принимать въ расчетъ и скудость историческихъ свидѣтельствъ, и ихъ неопредѣленность, и, наконецъ, свидѣтельства противоположнаго свойства. Изъ послѣднихъ, напримѣръ, важное значеніе имѣетъ то обстоятельство, что трудно, повидимому, настаивать на правѣ общины выдѣлять земли вновь прибывающимъ въ нее членамъ: земли выдѣляетъ господарскій намѣстникъ, или его прикащикъ ⁶⁾. Прямыхъ указаній въ этомъ отношеніи много—это правда,—но они ослабляются нѣкоторыми соображеніями. Намъ теперь знакомы факты такого рода, что господарь ставитъ въ извѣстность волостнаго старца, какъ представителя общины, о выдѣлѣ службъ и людей изъ волости и т. п. измѣненіяхъ; съ другой стороны вриданникъ или его слуга вѣзжаетъ въ волость только въ опредѣленные сроки, или даже совсѣмъ не имѣетъ вѣзда. Очевидно, что въ послѣднемъ случаѣ вриданнику не легко раздавать земли въ волости, подыскивать ихъ и пр.; мало того, волость несетъ повинности и за

¹⁾ Ibidem, № 200. Кн. Зап. Лит., V, л. 42.

²⁾ Кн. Зап. Лит., XXV, л. 68.

³⁾ Арх. Юго-Зап. Р., ч. VII, т. 2, стр. 298.

⁴⁾ Кн. Зап. Лит., V, л. 50.

⁵⁾ Кн. Зап. Лит., VI, л. 74.

⁶⁾ „А мужъ пришелъ на Кораевскую землю и прикладалъ слуге его (намѣстнику) Скурате и просилъ поместь, и онъ поместь не намелъ“. (Акты Литовско-Русск. госуд., I, № 199). Подданный господарскій былъ челомъ Лну Радивилу, державцѣ волковыйскому, и „просилъ насъ о землю пустовскую на имя... и эту землю ему пустовщину дали, на которой, онъ поведилъ, ижъ хоромины нетъ“,—почему и дана льгота на 8 года. Кн. Судн. Д. Литовск., VI, л. 315.

пустующія земли, и ей, естественно, надо заботиться объ обработкѣ ихъ, хотя бы испрашивая каждый разъ разрѣшеніе уряда. Но весьма понятно, что урядъ стремится захватить раздачу приходящимъ людямъ волостной земли: онъ за отведенную землю получаетъ поклонъ, онъ стремится наложить свою опеку на крестьянъ. Далѣе, о дѣятельности уряда по раздачѣ земли мы встрѣчаемъ кое-какія указанія, а о дѣятельности старцевъ почти не встрѣчаемъ, потому что община и не вела такихъ записей. Впрочемъ, въ описаніи Дубровенской волости 1560 г. имѣемъ прямое указаніе на то, что именно старецъ „водле уставы господарское“ завѣдуетъ пустовскими землями, осаживаетъ ихъ ¹⁾, но едва-ли устава возложила на представителя общины какую-нибудь новую обязанность.

Но вотъ на что слѣдуетъ обратить вниманіе. Въ половинѣ XVI вѣка правительствомъ предпринимается важная финансовая реформа съ цѣлью выяснить доходы, шедшіе съ господарскихъ земель, и найти новые „пожитки“ для скарба. Реформа производилась въ то время, когда административная опека и произволъ уряда въ волостяхъ достигли весьма значительныхъ размѣровъ. Съ двадцатыхъ годовъ правительство издаетъ цѣлый рядъ уставовъ отдѣльнымъ волостямъ, имѣющихъ цѣлью установить „старину“ въ отношеніяхъ областной администраціи къ крестьянамъ, точно опредѣлить подати и повинности, шедшія и въ скарбъ и на урядъ. Но всѣ эти циркуляры не имѣли практическаго значенія: жалобы крестьянъ на державцевъ и ихъ слугъ раздаются къ половинѣ столѣтія съ болѣею силою, чѣмъ прежде. Это обстоятельство, въ связи съ новыми хозяйственными взглядами, разстройствомъ казны, привело правительство къ мысли о необходимости коренныхъ реформъ въ господарскихъ имѣніяхъ. Реформа выразилась въ повсемѣстномъ введеніи волочной помѣры въ западныхъ областяхъ государства и въ регистраціи службъ и дворищъ — въ восточныхъ. Памятники, касающіеся этой „ревизіи“, не объясняютъ того, какъ пользовались крестьяне землею до нея. Одной изъ цѣлей ревизіи было поставить каждого отдѣльнаго плательщика лицомъ къ лицу съ скарбомъ; поэтому каждый клочекъ земли долженъ

¹⁾ Виленск. Археогр. Сб., III, стр. 276, 277. Однако, здѣсь же, въ другомъ мѣстѣ, обязанность заботиться о заселеніи пустыхъ земель возложена на замковый урядъ (стр. 268), что вовсе не противорѣчитъ одно другому; конечно, и урядъ заботился объ увеличеніи „пожитковъ скарбовыхъ“, о заселеніи волости, урядъ наблюдаетъ за раздачею земель.

былъ имѣть своего хозяина, за которымъ могъ бы слѣдить скорбь. При такихъ условіяхъ община не можетъ распоряжаться надѣльной землей. Однако, по отношенію къ внѣнадѣльнымъ пахотнымъ землямъ и къ угодіямъ памятники ревизіи убѣдительно говорятъ за то, что среди крестьянъ укоренился обычай пользоваться по крайней мѣрѣ этими землями сообща. Такъ, нѣтъ ни одного изъ извѣстныхъ доселѣ описаній староствъ, въ которыхъ бы нельзя было встрѣтиться съ фактомъ пользованія цѣлымъ селомъ участками сверхъ надѣльной пахотной земли ¹⁾; не говоря уже о бортныхъ земляхъ, рыбныхъ ловляхъ и т. под. ухажаяхъ, которыя часто находились въ „суплетномъ“ пользованіи нѣсколькихъ селъ ²⁾.

Уставъ, изданный въ 1594 г. для Могилевской волости, уже разбитой на волокы, когда уже новые порядки считали за собой нѣсколько десятилѣтій, сохраняетъ, однако, за общиной пользованіе угодьями. Бобровые гоны находятся въ общемъ „уживаніи“ села. Бортное хозяйство то же находится въ вѣдѣніи всего села или круга, при чемъ община иногда дѣлитъ ихъ между собою, но можетъ пользоваться и безъ „дѣлу“.

Взвѣшивая всѣ данныя относительно общиннаго землепользованія, нельзя не отмѣтить, что онѣ не даютъ еще права на вполнѣ опредѣленный выводъ, вслѣдствіе своей неполноты и неопредѣленности. Пока очевидно одно, что въ сельской общинѣ широко вкорененъ обычай общаго пользованія сельско-хозяйственными угодьями, бортными и другими землями; не менѣе извѣстно также общее пользованіе придаточными земельными участками, пустовщинами. Обѣ категоріи земель крестьяне иногда дѣлятъ между собою, по службамъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ пользуются и безъ „дѣлу“ ³⁾. Труднѣе опредѣлить характеръ участія общины въ выдѣлѣ земли и особенно способы пользованія надѣльной землей, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ власть общины простиралась и на передѣлъ всей территоріи.

Важно одно, что тѣ или другія земли община считаетъ своими, и защищаютъ ихъ отъ захватовъ не отдѣльные лица, но вся община. Власть

¹⁾ Такъ, см. Берестейское староство (*Довнар-Запольскій*, *Акты Литовско-Русскаго госуд.*, т. II, р. 261 и развѣн), Кобринское стар. (Ревизія Кобр. экон. и зд. Вил. Арх. ком., стр. 88 и др.), Троцкое стар. (Вил. Археогр. Сб., VIII, стр. 118, 89 и др.), Дубровенская волость (Вил. Археогр. Сб., III, стр. 270, 275 и др.), Гомельское стар. (Акты Вил. Археогр. ком., XIII, стр. 347 и др.).

²⁾ Напр., А. Вил. Арх. ком., XIII, 354 и др.

³⁾ Вил. Археогр. Сборн., I, стр. 194—195.

общины простирались въ экстренныхъ случаяхъ и на передѣлѣ земли. Это обстоятельство, хотя и мало освѣщенное данными, позволяетъ, однако, думать, что связь общинная была сильна и простиралась и на землю, которою, хотя и отдѣльно, владѣютъ ея однообщинники. Другой вопросъ, была ли права юридически община, и съ тогдашней и съ нашей точки зрѣнія, — считая себя распорядительницею общинной земли. Правда, крестьяне называютъ свою землю „власною“, „отчиною“¹⁾, но опредѣленія ихъ надо понимать весьма относительно, примѣняясь къ условіямъ тогдашняго землевладѣнія. Крестьянское землевладѣніе на господарской землѣ — прежде всего служба. И съ этой стороны крестьянскую службу можно сопоставить со службою всякаго служилаго человѣка. Какъ послѣдній распоряжался служебною землею постольку самостоятельно, поскольку это распоряженіе не нарушало правильнаго отбыванія службы, — точно также и крестьянинъ или крестьянская община могли распоряжаться своею землею, не нарушая интересовъ службы, то-есть, интересовъ господарскаго скарба²⁾. Съ нашей точки зрѣнія такое пользованіе землею не будетъ полнымъ владѣніемъ, но мы должны примѣняться къ условіямъ времени.

Само собою разумѣется, при всемъ этомъ надо имѣть въ виду, что западно-русское крестьянство не было однородною массою. Наоборотъ, раздробленность его, разнообразіе службъ, на немъ лежавшихъ, а вслѣдствіе этого и его правъ, были весьма значительны. Въ виду этого намъ необходимо поставить вопросъ и о томъ, среди какаго разряда земледѣльческаго населенія встрѣчаются признаки общинной жизни, разсмотрѣнной выше.

Если собрать указанія источниковъ, цитированныхъ выше, то окажется, что крестьяне, выступающіе въ нихъ, всѣ, за исключеніемъ немногихъ сомнительныхъ случаевъ, принадлежатъ къ разряду такъ называемыхъ данниковъ. Если опредѣлять географически мѣстности, которыхъ касаются наши источники, то придется поставить на видъ, что большинство ихъ относится къ такъ называемымъ Подиѣпрскимъ и Задвинскимъ волостямъ и сравнительно немного къ волостямъ западнымъ. Такимъ образомъ передъ нами два вопроса о томъ, что

¹⁾ См., напримѣръ, Ревизія пущъ, стр. 248.

²⁾ См., напр., характерный мотивъ разрѣшенія людямъ на мѣну земли съ со-
сѣднимъ помѣщикомъ въ Кц. Зап. Лит., VI, л. 62, или Акты Вил. Арх. Ком.,
т. XVII, стр. 3.

такое данники, и почему эти данники, какъ община, выступаютъ въ восточныхъ областяхъ Литовско-русскаго государства.

Вопросы эти настолько сложны, что болѣе или менѣе подробное изученіе ихъ не можетъ входить въ задачу настоящей статьи: позволительно, поэтому, ограничиться лишь нѣсколькими замѣчаніями.

Повинностныя отношенія западно-русскаго крестьянства отличаются необыкновеннымъ разнообразіемъ, затрудняющимъ точное ихъ опредѣленіе. Данники во всякомъ случаѣ отличаются отъ тяглыхъ людей въ собственномъ смыслѣ; признакъ тяглаго человѣка тотъ, что онъ ходитъ „съ серпомъ и косою“ и дякло даетъ. Положеніе данника прежде всего опредѣляется данью. Дань—это главная повинность данника, независимо отъ того, сидитъ ли онъ на господарской землѣ, или на частной. Иногда повинностныя отношенія данника и ограничиваются только одною данью ¹⁾, но чаще на данникахъ лежитъ и извѣстная доля тягла. Такъ данники иногда обязаны волочить озеро, косить луга ²⁾. Но главное тягло данниковъ на господарскихъ земляхъ—подводная и городова повинность ³⁾. Сравнительно рѣдко, и то въ позднѣйшее время, можно встрѣтить данниковъ, отбывающихъ пригоны и толоки ⁴⁾.

Если обратиться къ древнѣйшимъ даннымъ, напримѣръ, къ записямъ пожалованій Казимира и къ нѣкоторымъ другимъ, то въ нихъ мы найдемъ данника, обязаннаго только данью ⁵⁾. Съ другой стороны, крестьяне-данники весьма часто оспариваютъ право намѣстниковъ заставлять ихъ косить сѣно и пр., называя такія повинности новиной, хотя послѣдняя и не всегда является таковою въ глазахъ суда ⁶⁾. Очень возможно, что натуральныя повинности частноправнаго характера явились уже только первою ступенью къ закрѣпощенію,

¹⁾ А. Ю. и З. Р., I, 127: „а заплативши оную выписаную данцу, три пуды меду и грошей въ данью осмнадцать, и къ тому серебщину отъ полнати сохи заплативши... неповинны вже нѣкоторое службы служить, ани дачи иншое нѣкоторое не давати“. Ср. Дубровенская вол., Вил. Арх. Об., III, Гомельская, А. Вил. Ком., XIII, и др.

²⁾ Акты лит.-русс. гос., т. I, напр., стр. 76 и др.

³⁾ Въ цитированныхъ выше уставахъ водостамъ—разнѣмъ.

⁴⁾ Напр., Радомковскіе данники ходятъ сѣно косить, Акты литовско-русск. государства, II, стр. 110 и др.

⁵⁾ Книга данивъ Казимира напечатана мною во II т., „Акты лит.-русс. государства“, стр. 1 и слѣд.

⁶⁾ См., напр., жалобу Свислочной вол., Акты лит.-русс. госуд., I № 224, жалобу Оверичской вол., ibidem, стр. 76 и др.

не составляя раньше, половины XV вѣка, необходимой принадлежности службы данниковъ.

Гораздо труднѣе опредѣлить характеръ личной зависимости данника: былъ ли данникъ человѣкъ похожій, или же прикрѣпленный къ землѣ. Правда, что уже въ записяхъ земельныхъ дачъ великаго князя Казимира встрѣчаемъ раздачу данниковъ¹⁾, хотя эта раздача и можетъ быть понята въ смыслѣ простой передачи права взиманія дани²⁾. Но съ другой стороны иногда частные владѣльцы считали своихъ данниковъ „звѣчными“, „старыми“, „отчичами“, „дѣдичными“, „отчизными“³⁾, иногда они воспрещали данникамъ уходить съ земли⁴⁾. Но эти случаи скорѣе исключеніе, чѣмъ общее правило: самое запрещеніе отхода какъ бы косвенно подтверждаетъ его возможность. Акты начала XVI вѣка опредѣленно называютъ только одинъ разрядъ крестьянъ, которыхъ помѣщикъ считалъ крѣпостными и могъ разыскивать — это тяглые отчичи: достаточно помѣщику доказать, что такой-то его человѣкъ ходилъ съ косою и серпомъ на помѣщичью работу, давалъ дякло, — и судья выдастъ такого крестьянина владѣльцу. Но съ

¹⁾ Акты лит.-русс. госуд., II, стр. 1—72, *passim*.

²⁾ Напр.: Монастырь Св. Троицы въ Смоленскѣ имѣетъ кадъ меду „с погребѣ нашего“. Но здѣсь же передается содержаніе грамоты Александра, которою предоставлялось монастырю брать кадъ меду съ данника Майковскаго съ братьями. Такимъ образомъ, хотя жалованною грамотою монастырю предоставлялось собирать дань съ назначеннаго человѣка, но фактически монастырь получалъ ее отъ уряда изъ погреба. Ясно, что личной зависимости плательщика отъ монастыря не могло быть. Акты лит.-русс. госуд., I, стр. 135. Пустыньскій монастырь въ Кричевѣ получилъ дань „въ села Кричевскаго на имя Лобковичевъ“; люди должны были сдавать дань въ монастырь, но серебщина и другіе „поплатки“ оставлены на господаря; *ibidem*, стр. 187. Наконецъ, въ Гомельскомъ староствѣ числятся одиночные данники, съ которыхъ дань идетъ на церкви, но въ то же время они обложены и господарскими податями. См. XIII т. Актовъ Вил. Ком., стр. 643 сл. Въ уставѣ Бобруйской волости находимъ прямое указаніе по этому поводу: „господарь пораздавалъ въ волости людей панамъ, „велели есмо имъ дань медовую на себе (помѣщиковъ) с нихъ (людей) брати, а дань грошовую и бобры и купичи... на насъ давати“. Кн. Зап. Лист., XV, лл. 102—103. По дѣлу Котиччанъ и Зубаревичей, принадлежавшихъ Яну Радивилу и В. Костевичу, господарь присудилъ людямъ отбывать работы съ волостью Бобруйскою, помогать имъ во „всякихъ розметахъ“, — ниже только тѣ люди мають своимъ паномъ дань давати, што на нихъ придесть“. Кн. Судн. Дѣлъ Лит., IV, л. 266 об. Значить, господарь давалъ помѣщику съ данниковъ только дань.

³⁾ А. Ю.-З. Р., I, 49, 58; А. З. Р., I, 186; Акты Вил. Ком., XIII, р. 337. Арх. Сборн. Вил., VII, 3.

⁴⁾ А. З. Р., I, стр. 113.

другой стороны, если крестьянинъ захочетъ доказать, что онъ имѣетъ право отхода, онъ называетъ себя вольнымъ, похожимъ.

Обращаясь къ источникамъ, которые говорятъ о данникахъ, членахъ волости, нельзя не отмѣтить того общаго впечатлѣнія, выносиваемаго изъ изученія ихъ, и сводящагося къ тому, что члены волостной общины пользовались извѣстнымъ правомъ отхода. Источники нерѣдко упоминаютъ, что крестьяне разошлись изъ волости, расходятся вслѣдствіе притѣсненій намѣстниковъ, расходятся въ большомъ числѣ и не только на сосѣднія господарскія земли, но и на панскія ¹⁾. Державцы, притѣсняющіе волощанъ, могли бы стѣснить свободу отхода, но, видимо, не принимаютъ къ этому мѣры, очевидно не считая себя вправѣ.

Правда, правительство иногда принимаетъ мѣры къ возврату ушедшихъ данниковъ, но нельзя не отмѣтить, что мѣры эти скорѣе хозяйственныя, чѣмъ юридическія. Центральное правительство старается унять грабительство воеводы, разошедшимся совѣтуетъ давать льготы, въ случаѣ возвращенія на прежнія мѣста ²⁾. Положимъ, то же правительство пробуетъ издавать указы о возвращеніи разо-

¹⁾ Въ жалобѣ данниковъ Свислочьской волости 1584 года говорится: вслѣдствіе тяжкостей „некоторые люди с тое волости и мѣста нашего розно ся розышли“. Акты литовско-русс. госуд., т. I, № 224. Въ Могилевской волости „многіи ся люди с тое волости прочь розышли“,—*ibidem*, № 235. Господарь Сигизмундъ I поручаетъ писарю Ивану Горнистаю разслѣдовать тяготы Могилевской волости: „Тежъ которыми люди с тое волости наше Могилевское с отчизнъ своихъ для обтяженія будутъ ся розышли до именей князскихъ, и панскихъ, и боярскихъ и хотели бы за ся на тыхъ отчизнахъ своихъ сести, и ты бы имъ далъ воли на колко лѣтъ“, *ibidem*, № 206. Въ Кораевской волости (около 1590 года): „А который мужъ поидеть съ простое земли Кораевское, и онъ (намѣстникъ) куницы беретъ. То намъ новину учинилъ“, *ibidem*, № 199. Эти факты убѣдительно говорятъ за то, что данники считали себя вправѣ уходить и даже въ Кораевской землѣ выходная куница съ „простой“ (крестьянской?) считалась повинною. Уходить данника изъ города см. *ibidem*, стр. 146. Въ концѣ XVI вѣка въ Могилевской волости, уже послѣ волочной поѣзды, безпрепятственнымъ выходъ дозволялся на зиму, безъ выходнаго; кто убѣгалъ „неоповѣдавшимся войту“, тотъ тратилъ „домовство“ (значить „оповѣдавшимся“ можно было уйти). Кто уходилъ за кривдою врядника, то, по рассмотрѣніи дѣла ревизоромъ, ему должны были возвращены поѣзды и постройки. Очевидно, уходившихъ не преслѣдовали и старались привлечь ихъ снова на земли. Арх. Сборникъ Вил., I, стр. 198—191. Квалификаціи отхода мы не касаемся; соображенія по этому поводу ср. у Любавскаго, Областное дѣленіе и пр.

²⁾ См. предыдущ. примѣч.

шедшихся подданныхъ, но извѣстныя намъ грамоты по этому поводу исходятъ изъ положеній финансоваго характера, а не юридическихъ. Листъ, данный по жалобѣ бобруйскихъ волощанъ, рассказываетъ о „хитрыхъ обычаяхъ“ нѣкоторыхъ изъ крестьянъ: пользуясь цѣлый годъ землей, нѣкоторые изъ нихъ уходятъ въ другія волости, когда приходитъ срокъ сбора податей, а по прошествіи срока возвращаются вновь на свои земли; нѣкоторые продолжаютъ жить въ сосѣднихъ волостяхъ, но продолжаютъ пользоваться землей Бобруйской волости, не платя податей. Господарь приказываетъ державцамъ не принимать крестьянъ изъ другихъ волостей и разыскивать подданныхъ бобруйскихъ ¹⁾. Но „хитрые обычаи“ бобруянъ своего рода новина; противъ нихъ правительство вводитъ тоже новину — запрещаетъ переходы. Этотъ указъ, изданный по частному случаю (вѣроятно, по просьбѣ волощанъ), не имѣлъ серьезныхъ послѣдствій. Это—одинъ изъ камней того крѣпостного зданія, стройка котораго завершилась гораздо позже. И этотъ камень не одинъ. Подобнаго рода указъ былъ изданъ по просьбѣ волощанъ могилевскихъ около того же времени, въ 1530 году. Великій князь послалъ своего дворянина по всему княжеству разыскивать разошедшихся подданныхъ Могилевской волости и „мощно выводить“ ²⁾. Однако, если мы сравнимъ этотъ указъ съ наказомъ посланному дворянину (Ивану Горностаю), то дѣло представляется не столь безнадежнымъ. Горностаю; долженъ разузнать о кривдахъ подданнымъ отъ писарей и подклочихъ, учинить людямъ „полечку“ и искать разошедшихся подданныхъ: если

¹⁾ Кн. Зап. Литовск., XV, лл. 172—174 (1538 г.). Ср. толкованіе этой грамоты проф. Леонтовичемъ, Крестьянскій дворъ, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1896 года, ноябрь, стр. 201.

²⁾ „Княземъ нашимъ и паномъ воеводамъ и старостамъ, намѣстникамъ и тируномъ, княгинямъ и панямъ вѣдовамъ, бояромъ и дворяномъ нашимъ по отчизне нашей великому князѣству Литовскому. Приходили къ намъ люди наши Могилевское волости и повелили передъ нами, штожъ деи многие люди наши Могилевцы з отчизнѣ своихъ розышлись прочъ и мешкають по местомъ и дворомъ и именамъ вашимъ. Ино мы для того послали тамъ дворянина нашего, а прото: где козвекъ онъ тыхъ людей нашихъ найдетъ, приказуетъ вамъ, ажъ бы есте ему ихъ выдавали со всеми ихъ статки, с чимъ будутъ за кого зашли. Наклижъ бы есте тыхъ людей нашихъ ему выдавати не хотели, мы казали тому дворянину нашему тыхъ всихъ людей нашихъ, где козвекъ находити, оттоля мощно выводить и за ся на ихъ отчизнахъ осаживати. И вы бы тому дворянину нашему противни не были конечно, а бы то наказъ не было. Писанъ у Кракове“, 14-го августа 1530 г. Кн. Зап.-Литовск. XVII, л. 2 об.

кто изъ послѣднихъ *захочетъ* возвратиться на свои отчизны, то Горностай долженъ давать льготы ¹⁾). Сказаннаго совершенно достаточно для нашей цѣли. Та часть крестьянства, которая извѣстна подъ названіемъ данниковъ, имѣла право выхода (конечно, обставленное извѣстными формальностями). Въ чисто финансовыхъ цѣляхъ правительство принимаетъ мѣры противъ переходовъ, по настоянію остающихся данниковъ волости; но мѣры эти направлялись не столько противъ права отхода, сколько противъ обхода формальностей послѣдняго, нарушавшихъ платежную силу волости. Разумѣется, эти мѣры прокладывали дорогу къ закрѣпощенію, но въ рассматриваемое время не могли еще имѣть серьезныхъ практическихъ послѣдствій.

Такимъ образомъ мы подошли къ тому, что данники пользовались правомъ перехода. Если это право ограничивали, если данниковъ стараются законно и незаконно удержать, то вѣдь надо помнить, что первая половина XVI вѣка—время закрѣпощенія; вѣдь стараются же помѣщики этого времени стѣснить и переходъ вольныхъ похожихъ людей, заключаютъ съ этою цѣлью договоры между собою и пр. ²⁾), а между тѣмъ не можемъ же мы сомнѣваться въ существованіи права перехода вольныхъ людей. Если мы встрѣчаемъ передачу данниковъ отъ господара частному лицу, или передачу ихъ по наслѣдству, то вѣдь передаются точно также и вольные похожіе люди, бояре путные и пр. ³⁾), права перехода которыхъ не отрицали ни современники, ни современные намъ изслѣдователи. Далѣе, само понятіе похожего человѣка указываетъ только на одну юридическую сторону личности крестьянина, но не объясняетъ его повинностнаго отношенія къ землѣ и помѣщику. Перехожій человѣкъ, могъ, конечно, сдѣлаться и наемникомъ и тягломъ, но могъ быть и данникомъ. Но если онъ возьмется за тягло,—онъ непремѣнно потеряетъ право перехода—это мы знаемъ навѣрное; садясь на дань, кунницу или чиншъ, онъ, повидимому, не терялъ права уйти. Нельзя не обратить также вниманія на то, что на господарскихъ земляхъ нигдѣ не упоминаются вольные переходящіе люди: древнѣйшіе инвентари,—до волоочной помѣры, знаютъ только на господарскихъ земляхъ тяглыхъ, данни-

¹⁾ Акты литовско-русс. госуд., № 206.

²⁾ А. Ю.-З. Р., I, стр. 79. Въ Брацлавщину и Каневщину въ половинѣ XVI вѣка король посылаетъ, наприимѣръ, Яна Волчкова для формальнаго прикрѣпленія крестьянъ.

³⁾ Ср., наприимѣръ, пожалованія Arch. kv. Sang., III, 96, 132 и др.

ковъ, или куничниковъ, челядь, бортниковъ и пр. спеціальныя службы. Трудно было бы предполагать, что до насъ случайно дошли именно тѣ описанія имѣній, гдѣ не было переходящихъ людей даже, напримеръ, въ Оршанской волости, гдѣ во главѣ данниковъ показанъ старецъ и въ волости, которая лежала въ центрѣ тѣхъ самыхъ Поднѣпрскихъ волостей, гдѣ такъ много было на господарскихъ земляхъ данниковъ. Скорѣе всего предположить другую возможность, — что крестьяне, имѣющіе право перехода, скрыты въ описаніяхъ подъ другими терминами, и именно подъ терминомъ данниковъ. Для помѣщика, составлявшаго инвентарь, важны вѣдь были крестьяне не по своимъ юридическимъ правамъ, о которыхъ онъ охотно забывалъ, а ихъ повинностныя отношенія къ нему.

Вопросъ о юридической природѣ данниковъ выходитъ нѣсколько за предѣлы нашей статьи. Тѣмъ болѣе побочнымъ является для насъ сложный вопросъ о томъ, почему данниковъ, и при томъ связанныхъ общинными интересами, мы встрѣчаемъ по преимуществу въ восточныхъ областяхъ. Впрочемъ, географически данники прикрѣпляются не къ однимъ восточнымъ областямъ. Мы ихъ встрѣчаемъ въ мѣстностяхъ бывшаго Пинскаго княжества ¹⁾, на Жмуди и Литвѣ ²⁾, на Волини ³⁾, въ Новгородскомъ воеводствѣ ⁴⁾, въ Подляхѣи ⁵⁾ и др. Для насъ, слѣдовательно, ясно, что данники, какъ извѣстная разновидность земледѣльческаго сословія, встрѣчаются повсемѣстно въ литовско-русскихъ областяхъ. Но въ такомъ случаѣ вопросъ сводится къ тому, почему же въ нашихъ источникахъ выступаютъ съ сильно развитымъ сознаніемъ волостной солидарности крестьяне восточныхъ областей, и не имѣемъ ли мы здѣсь чисто случайнаго явленія: быть можетъ, время сохранило намъ документы одной только мѣстности. Разумѣется, трудно ручаться за полноту матеріала, но книги господарской канцеляріи, сохранившія намъ господарскіе выроки и уставы восточнымъ волостямъ, имѣютъ общегосударственное значеніе, почему въ нихъ вошли бы и документы другихъ мѣстностей. Проявленіе волостной

¹⁾ Ревизія и пр., 65, 71, 102 и др.

²⁾ Акты Вил. Арх. Ком., XIV, 11; А. Ю.-З. Р., I, 298; Акты Литовско-русскаго государства, II, стр. 116.

³⁾ Архивъ Юго.-З. Р., ч. VI, 8, I, стр. I.; Arch. кн. Sang., III, 78; ср. инвентарь Ратненскаго староства, въ VII ч. 2 т. Арх. Юго.-З. Р.

⁴⁾ Акты Вил. Арх. Ком., XIII, 337.

⁵⁾ См., напримеръ, Леонтовичъ, Акты, I, № 879, № 884.

солидарности восточныхъ областей—не случайность; оно—результатъ особенностей экономической и политической жизни этихъ мѣстностей, наконецъ, даже географическаго ихъ положенія. Жизнь здѣсь слагалась при нѣскольکو иныхъ условіяхъ, чѣмъ на западѣ. Въ западныхъ и отчасти юго-западныхъ областяхъ условія жизни слагались такъ, что экономическое развитіе страны шло болѣе быстрыми шагами, чѣмъ на востокѣ.

Отдѣленіе города отъ земли началось здѣсь съ конца XIV вѣка; въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка здѣсь уже широко распространяется волочная помѣра; сотни городковъ и селъ организованы на магдебургскомъ правѣ. Великокняжеское хозяйство строится по образцу крупныхъ владѣній. Сельско-хозяйственная система того времени состояла въ дворцовомъ хозяйствѣ, а послѣднее требовало большаго числа рабочихъ рукъ, которое не могло быть удовлетворено рабскимъ трудомъ. Въ половинѣ XV вѣка Литва и отчасти Подляхія покрыты были господарскими дворами, въ которыхъ скоплялось сбожье, сработанное крѣпостнымъ и рабскимъ трудомъ на великокняжескихъ земляхъ, или свезенное въ видѣ дякла. И этотъ хлѣбъ находилъ себѣ сбытъ: многочисленный велико-княжескій дворъ пребывалъ въ западныхъ областяхъ, перекочевывая изъ столицы въ Польшу и обратно, истребляя по пути и въ столицѣ запасы. Остатки хлѣба и другихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ находили себѣ сбытъ опять-таки на западѣ, гдѣ Нѣманъ сосредоточивалъ на своихъ водахъ хлѣбную торговлю. Вѣдь нужно имѣть въ виду, что господарь Литвы и Руси былъ въ то же время и крупнымъ купцомъ. Ему не было расчета устраивать дворы и собирать хлѣбъ въ восточныхъ областяхъ, гдѣ добывался болѣе дорогой продуктъ медъ (усиленный вывозъ хлѣбныхъ и лѣсныхъ товаровъ, требовавшихъ также рабочихъ рукъ, начинается только къ половинѣ XVI вѣка). Затѣмъ надо имѣть въ виду, что и политическая самостоятельность восточныхъ областей продолжалась дольше, и по сліяніи съ Литвой эти области имѣли больше правъ, чѣмъ на западѣ. Что касается частнаго землевладѣнія, то въ немъ на западѣ замѣчается особенность, отсутствующая на востокѣ и югѣ. Рядомъ съ небольшимъ числомъ весьма крупныхъ владѣній, на которыхъ могла продолжаться общинная жизнь, — существуетъ масса мелкой шляхты, имѣющей по нѣскольکو крестьянскихъ дворовъ; середины пѣтъ, а мелкое землевладѣніе разрушало общину.

Всѣ эти бѣглыя замѣчанія имѣютъ цѣлью указать на то, что на западѣ было больше причинъ ведшихъ крестьянство въ зависимое

положеніе, чѣмъ на востокѣ. Но различіе хода экономической жизни не даетъ повода думать, что и въ западныхъ областяхъ (по крайней мѣрѣ, русскихъ) не была развита община въ той или иной формѣ въ болѣе ранній періодъ. Мы застаемъ волостную общину на востокѣ въ моментъ ея агоніи. На западѣ мы видимъ тѣ же черты общинной жизни, хотя слабѣе выраженные. Напомнимъ, что и здѣсь мы встрѣчаемъ разряды данниковъ, во главѣ ихъ старцевъ, общія угодыя, наконецъ общность экономическихъ интересовъ. Все это слабѣе, чѣмъ на востокѣ, но вѣдь здѣсь крѣпостничество появилось раньше, и тѣ условія экономической жизни, которыя развились здѣсь къ концу XV и началу XVI вѣковъ, на востокѣ установились цѣлымъ столѣтіемъ позже—къ концу XVI и началу XVII вѣковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если обратиться къ люстраціямъ восточныхъ областей половины XVI вѣка, хотя такихъ памятниковъ дошло до насъ очень немного, то окажется, что эти волости сплошную заселены данниками¹⁾. Между тѣмъ нельзя того же сказать о западныхъ областяхъ. Въ древнѣйшей люстраціи Житомира данники сидятъ среди земледѣльческаго населенія другихъ разрядовъ²⁾; въ частныхъ и даже господарскихъ имѣніяхъ Полѣсья данники иногда сидятъ по одному-два человека среди тяглаго населенія³⁾.

Однимъ словомъ, тотъ классъ земледѣльческаго населенія, среди котораго въ началѣ XVI вѣка встрѣчается наиболѣе опредѣленное проявленіе общинной солидарности, классъ данниковъ, — извѣстенъ повсемѣстно въ литовско-русскомъ государствѣ. Этотъ разрядъ не новаго происхожденія, а древняго (въ этомъ отношеніи онъ отличается, вѣроятно, отъ куничниковъ и навѣрно отъ чиншевиковъ). Ему одинаково вездѣ была извѣстная общинная организація, но слабость ея проявленій въ западныхъ областяхъ объясняется здѣсь болѣе интенсивнымъ ростомъ экономической жизни.

Наша статья не будетъ исчерпывающею вопросъ, если мы не

¹⁾ Напримѣръ, Гомельское староство, въ Актахъ Вил. Арх. Ком., т. XIII, стр. 848, Остерскій замокъ, Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. 7, т. I, стр. 597 сл., Мозырская и Бичская волости, *ibidem*, стр. 624 и слл. Оршанскій замокъ въ Актахъ Лит.-русс. госуд., т. II.

²⁾ Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. 7, т. 2, стр. 11.

³⁾ Реликія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, разсѣм. Впрочемъ, ср. люстрацію Ратненскаго староства, гдѣ элементъ данниковъ преобладаетъ, Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. 7, т. II, стр. 275.

дополнимъ ея свѣдѣніями объ общинѣ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ и о проявленіяхъ общинной жизни среди другихъ разрядовъ тягловцовъ. Правда, состояніе извѣстныхъ намъ источниковъ не позволяетъ коснуться обонхъ вопросовъ сколько нибудь подробно. Но сдѣлаемъ, что можно.

Прежде всего является предположеніе: не слѣдуетъ ли приписывать данникамъ на частновладѣльческой землѣ точно такую же общинную организацію, какъ и у данниковъ государскихъ. Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ положительно, но есть признаки, подсказывающіе утвердительный отвѣтъ.—разумѣется, разъ данники составляютъ цѣлое село или волость на землѣ помѣщика. Нельзя, напримѣръ, не обратить вниманія на слѣдующее обстоятельство. Волость Радосковская принадлежала Гаштольтамъ. Описана волость была въ 1549 г. (по случаю перехода волости къ великому князю, какъ вымороченной). Въ ней были люди разныхъ разрядовъ. Люди тяглые, куничники, бобровники описаны очень подробно: показанъ ихъ инвентарь, количество земли подъ каждою службою, размѣры податей и повинностей съ cadaго. Во главѣ тягловцовъ и даже куничниковъ въ волости тивунъ и пристава. Совершенно выдѣлены въ этомъ описаніи данники — они составляютъ волость въ волости. Они посчитаны по дымамъ, а не по службамъ, указанъ ихъ хозяйственный инвентарь и дань медовая съ дыма. Весьма любопытно, что во главѣ ихъ стоитъ старецъ. Вся волость данниковъ имѣетъ свой мыль на рѣкѣ Ушѣ, который они сами себѣ устроили и на которомъ мелютъ только они. Среди населенія, въ общемъ довольно зажиточнаго, есть и такіе, которые ничего не имѣютъ, хотя даютъ медовую дань. Однако оказывается, что у нихъ существуетъ, помимо люстраціонной, своя раскладка подати, почему и за убогихъ взимаютъ дань медовую. Другія подати и совсѣмъ не расписаны по дымамъ: куничные пенези, бобровые, овесъ, ленъ, бѣлки, яловицы, воскъ—даетъ вся волость. Это старыя подати, а новый налогъ, установленный пани Гаштольтовою, врядникъ взимаетъ уже съ дыму. Волость далѣе имѣетъ свою церковь. Что касается земли, то тѣ самые люстраторы, которые тщательно высчитали количество земли подъ тяглыми службами, по отношенію къ данникамъ поступили иначе; они указали на общее количество земли, принадлежавшей Реваницкимъ данникамъ, — миля поперекъ и три мили въ длину, въ одномъ кускѣ. Нельзя думать, чтобы эти данники не пахали, занимаясь только пчеловодствомъ: довольно большое количество сохъ, воловъ и лошадей при каждомъ дымѣ прямо указываетъ

на то, что мы имѣемъ передъ собою хлѣбопашцевъ ¹⁾). Къ землѣ, на которой сидѣли данники, ревизоры не такъ внимательно отнеслись, какъ къ тяглою; это слѣдуетъ поставить на видъ, но дѣлать отсюда опредѣленный выводъ, при отсутствіи другихъ данныхъ,—воздержимся.

Возьмемъ другой примѣръ—частновладѣльческое имѣніе Титовяны, въ Литвѣ. Тяглые люди описаны въ немъ отдѣльно отъ двухъ селъ данниковъ; при каждой службѣ тяглыхъ обозначено количество податей и повинностей; при данникахъ только ихъ хозяйственный инвентарь. Не знаемъ, кто стоялъ во главѣ данниковъ, но тяглые люди названы „тивунскими“, то-есть, они управлялись помѣщичьимъ тивуномъ; данники же платятъ тивунщину, — откупъ отъ тивуна. Далѣе, дань съ cadaго села обозначена общою суммою; изъ 49 дымовъ села Гнѣздиловичъ выходятъ на сѣнокосъ 7 человекъ; осенью — два человека являются ко двору съ топоромъ. Все это предполагаетъ разверстку податей и повинностей. Она и была: „Котораяжъ тая дань,—говорить люстрація послѣ указанія общей суммы ея съ села,—изъ тое части, кому ся достанетъ, по особну изъ оныхъ данниковъ брана быти маєтъ“ ²⁾). Помѣщикъ знаетъ только общую сумму дани съ села, разверстка производится самимъ селомъ; но разрубный списокъ, видимо, предъявлялся помѣщику или его уряднику, потому что съ cadaго хозяина взималась дань отдѣльно; понятно, помѣщику послѣднее выгодно: онъ получить пишее, „за данью“ и пр.

Такимъ образомъ община данниковъ, такъ или иначе оказавшаяся на помѣщичьей землѣ, не сразу теряла свои особенности ³⁾). И когда читаешь въ приказаніи виленскихъ крылопанъ старцу ихъ имѣнія Каменницкаго угрозы за неисполненіе приказаній, то чувствуется, что они обращаются не къ своему приказнику, а къ общинному выборному, который находится между двухъ огней—помѣщикомъ и своими однообщинниками ⁴⁾).

¹⁾ Акты Лит.-русс. госуд., II, стр. 90—119.

²⁾ Акты Вил. Арх. Ком., XIV, стр. 11.

³⁾ Юрій Зеновьевичъ, записывая данниковъ на Кіево-Печерскій монастырь, говоритъ: „а возити тымъ людемъ тую дань и тые гроши самимъ къ дому Пречистое, какъ и передъ тымъ важивали“, А. З. Р., I, 105.

⁴⁾ Вил. Археогр. Сборн., т. I, 188. Разумѣется, единообразія на помѣщичьихъ земляхъ ожидать нельзя. Ср., напр., инвентарь Мидельской волости 1545 г.: во главѣ волостныхъ людей стоитъ старецъ; по даннымъ, волостные люди Миделя — данники, но подѣлены по службамъ, съ извѣстнымъ количествомъ земли при каждой; они уже отбываютъ тягло по одному дню въ недѣлю. Тѣмъ не менѣе данники Миделя отличаются отъ тяглыхъ дворскихъ людей съ тивунами во главѣ,

Намъ нѣтъ нужды подробно останавливаться на проявленіи общинной жизни среди другихъ разрядовъ тягловцевъ. Положеніе паробковъ, тяглыхъ данниковъ, дойлидовъ, даже слугъ путныхъ было не таково, чтобы способствовать той или иной формѣ общинной жизни. Эти разряды находились въ болѣе личной зависимости отъ своихъ владѣльцевъ, не составляли такой сплоченной массы населенія, какъ данники, потому что паробки, слуги, дойлиды и пр. находились въ небольшомъ количествѣ при господарскихъ или помѣщичьихъ дворахъ. Можно указать лишь на то, что и среди этихъ разрядовъ встрѣчаются признаки общинной организаціи, вызываемой общностью ихъ повинностныхъ отношеній. Путные бояре иногда цѣлою общиной отстояваютъ свои юридическія прана, когда намѣстникъ ихъ тянетъ въ тягло, паробки, кобыльники слѣдятъ за равномернымъ отбываніемъ общихъ повинностей тѣми изъ своихъ сосѣдей, которые уклоняются отъ нихъ ¹⁾ и пр. Источники не даютъ возможности сказать, скры-

Акты Литовско-русскаго госуд., II, 75. Ср. еще интересное описаніе Кереноенскаго двора (имѣніе Гаштольдъ). Данники строго разграничены отъ людей тяглыхъ и др. Тяглые люди находятся подъ приставами, паробки подъ тивунами, данники—подъ старцеми. Земли у данниковъ „отчизниа“, дань опредѣляется общою суммою. Арх. Обсерв. Вил., VII, стр. 16—17. Ср. Кейданы, *ibid.*, стр. 12—15.

¹⁾ Такъ 1551 г. слуги путные Полоцкаго повѣта возбудили дѣло противъ бояръ и мѣщанъ полоцкихъ. Слуги жаловались на то, что шляхтичи и мѣщане скупаютъ земля у нихъ потужниковъ-слугъ и не несутъ соответственныхъ повинностей съ приобретенныхъ земель. Слуги опирались на привилей, разрѣшающій имъ покупать земля у шляхты. Последняя и мѣщане ссылались на земскій привилей, по которому они имѣютъ право покупать земля у путныхъ людей. Судъ призналъ, что земскій привилей важнѣе, потому что онъ древнѣе привилея путныхъ слугамъ. Но окончательному рѣшенію придана была такая формулировка: шляхта и мѣщане могутъ покупать у путныхъ слугъ земля, но должны нести съ путныхъ земель соответственныя повинности; въ свою очередь, путные слуги, купившіе шляхетскія земля, несутъ съ последнихъ шляхетскія повинности. Книга Судн. Дѣлъ Литовск., № XXIV, л. 121—122.

Въ 1532 г. кобыльники Домаховляне жаловались господарю на своихъ поплечниковъ по тяглу Ваську Яковлевича и Еску Кузмича и др. „о томъ, штожъ они всякую службу посполъ з нами служатъ и доходы даютъ, а теперъ не хотятъ з нами дороги терѣбятъ“. На судѣ выяснилось, что всѣ кобыльники обязаны терѣбить дорогу вмѣстѣ. Кн. Зап. Лит., XVI, л. 51 об.—52.

Интересна еще жалоба селецкихъ паробковъ. Они жаловались воеводѣ витебскому на Кучку Оргеша въ томъ, что послѣдній служилъ раньше съ ними, а теперъ не служить. Кучка заявилъ, что „купилъ есми паробка на имя Андрея Петровича, поплечника“ и поставилъ съ разрѣшенія прежняго воеводы Санѣги, на свое мѣсто. При этомъ онъ представилъ листъ купчій и разрѣшеніе воеводы. Воевода нашелъ его правымъ. Кн. Зап. Литовск., XVI, л. 27.

важась ли въ средѣ низшихъ разрядовъ болѣе прочная организація за этими примитивными формами общественной солидарности.

На этомъ мы закончимъ наши замѣчанія объ исторіи крестьянской общины въ Западной Россіи. Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ подвести краткіе итоги сказанному.

Въ нашу задачу не входитъ вопросъ о происхожденіи западно-русской общины. Послѣдній вопросъ, имѣющій общее принципиальное значеніе, не можетъ быть рѣшенъ на основаніи однихъ западно-русскихъ источниковъ, вслѣдствіе ихъ недостаточности. Мы разсматривали общину въ первой половинѣ XVI в., то-есть, какъ разъ въ такое время, когда условія общегосударственной экономической жизни дѣлають ее весьма замѣтною въ государствѣ. Это происходитъ отъ того, что крѣпостническія тенденціи шляхты сталкиваются съ такими формами крестьянскаго быта, которыя находятся въ полномъ противорѣчій съ шляхетскимъ аппетитомъ. Въ руки мѣстныхъ управителей изъ шляхты попадаютъ, въ видѣ держанья или аренды господарскія волости. Управление понимается въ смыслѣ собиранія доходовъ, наживы. Понятно, что намѣстникомъ дѣлается все, чтобы увеличить доходность управляемой волости. Суды, вѣзды, стаціи и др. повинности служатъ предметомъ вымогательствъ. Но пока державца стоитъ лицомъ къ лицу съ цѣлою общиною, дѣятельность его встрѣчаетъ противодѣйствіе въ общинной организаціи, въ „старинѣ“ общины. Устранить эти препятствія можно только тѣмъ, чтобы поставить каждаго пахаря лицомъ къ лицу съ мѣстною властью. Къ этому клонится работа мѣстныхъ органовъ и идетъ весьма успѣшно, разрушая общину съ ея стариною и уставами. На ряду съ этою личною борьбой двухъ общественныхъ элементовъ паденію общиннаго строя помогаетъ уменьшеніе общины путемъ выдѣла изъ нея земель въ частныя владѣнія и вслѣдствіе выдѣленія города изъ волости. Центральное правительство еще въ тридцатыхъ годахъ проявляетъ достаточно консерватизма по отношенію къ волости, доказательствомъ чего служатъ рядъ уставовъ. Но не только вліяніе мѣстной администраціи на центральную, а весь ходъ экономической жизни страны долженъ былъ привести правительство къ необходимости реформировать податныя отношенія волости. Разбредаящееся, уменьшенное раздачами въ числѣ, обѣднѣвшее населеніе не могло удовлетворять, при старой системѣ, возрастающимъ нуждамъ истощенной господарской казны. Реформа, въ видѣ волочной помѣры и пописы службъ, гдѣ первая не была введена, поставила крестьянина лицомъ къ лицу съ скарбомъ. Эти реформы

довершили разложеніе общины, подготовленное предшествующею жизнью. Въ самомъ дѣлѣ къ концу XVI вѣка проявленія общинной жизни замирають.

Что касается внутреннего строя общины, то намъ нѣтъ нужды повторять то, что сказано по этому поводу въ предыдущемъ изложеніи. Община имѣла своего выборнаго главу, въ извѣстной мѣрѣ судъ, имѣла общее недвижимое имущество, имѣла свои волостные доходы и расходы. Во владѣніи общины находились также сельскохозяйственные угодья, а иногда и роспашь. Но власть общины не простиралась на землю, отведенную каждому отдѣльному дворищу, хотя и въ данномъ случаѣ за общиной признавалось право на тотъ или иной передѣлъ земли, въ экстренныхъ случаяхъ. Главная основа общины, такимъ образомъ, административно-финансовая организація. Въ податномъ отношеніи община представляла самостоятельную единицу; она пользовалась правомъ раскладки господарскихъ и отчасти волостныхъ податей, хотя право это и подвергалось ограниченіямъ со стороны административной опеки. Общинная организація преимущественно проявлялась среди такъ называемыхъ данниковъ. Послѣдній разрядъ крестьянства въ изучаемое время сплошною массою населяетъ поднѣпрскія волости, но онъ извѣстенъ повсемѣстно въ Западной Руси и Литвѣ. Въ послѣднихъ областяхъ онъ раньше теряетъ общинную организацію вслѣдствіе иныхъ экономическихъ условій жизни этихъ мѣстностей.

М. Довнаръ-Зановскій.
